

Университет Тулуза – Жан Жорес

Факультет Зарубежной Филологии и Страноведения

Специальность «Германские и Славянские Языки»

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(магистерская диссертация)**

2017-2018

Королёва Юлия Станиславовна

***КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ***

Под руководством В.А. Белякова

Профессора Университета Тулуза – Жан Жорес

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	Error! Bookmark not defined.
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА	6
1.1. История возникновения политической лингвистики	6
1.2. История отечественной политической лингвистики.....	13
1.3. Основные направления современной политической лингвистики.....	15
1.4. Аспекты исследования политической коммуникации и разновидности политического дискурса	19
1.5. Стратегии а тактики политического дискурса	20
1.6. Примеры исследований политической метафоры	24
1.7. Метафора.....	28
1.8. Когнитивный подход к изучению метафоры	32
1.9. Метафорическая модель в когнитивном подходе и в теории регулярной многозначности	38
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА П.Н. ГРУДИНИНА И ЧЛЕНОВ КПРФ	43
2.1. Концептуальная метафора в дискурсе П.Н. Грудинина и членов КПРФ	43
2.2. Стратегии и тактики дискурса КПРФ в предвыборной кампании Президента РФ 2018 г.....	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	76
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	80

ВВЕДЕНИЕ

Политическая лингвистика - это молодая отрасль прикладной лингвистики, данное название активно начало использоваться в последнем десятилетии прошлого века. Исследователи в рамках данного направления изучают политическую коммуникацию в целом и вопросы, связанные с построением политической коммуникации. Последнее представляет особый интерес, поскольку разные общества порождают разные политические традиции, которые, в свою очередь, конструируют политическую речь. Так, например, в авторитарных режимах политическая коммуникация очень ограничена, в речи важно не содержание знака, а то, как этот знак реализуется. Поэтому в такой политической коммуникации используется много штампов, она ритуальна.

Политическая речь демократических режимов гораздо более гибкая, разнообразная. Это действительно политическая коммуникация со всеми атрибутами диалогической речи. Однако история не стоит на месте, одни режимы сменяются другими. Отечественные лингвисты воочию могли наблюдать за тем, как старая политическая коммуникация рухнула в 90-е годы, а на смену ей становилась новая, формировались реальные политические субъекты, а политики должны были учиться подстраивать свою речь под новые реалии. Именно в тот момент они могли пронаблюдать, насколько язык живая и изменяющаяся система, способная подстроиться под изменения.

Почему же политическая лингвистика стала интересна мне? Потому что в современном мире человек не может существовать вне политики. Она пронизывает нашу жизнь и влияет на нас. Политический дискурс льется на нас из всех каналов, его просто невозможно не замечать. Именно данное исследование позволило мне узнать манипулятивный потенциал политического дискурса, о котором я, конечно, догадывалась, но который смогла изучить подробнее. Для меня это дебютная работа, связанная с политической лингвистикой и политикой в целом.

Политическая лингвистика - это не только и не столько констатация манипулятивной функции политической речи, это еще и возможность осмыслить проблемные моменты политической коммуникации и как-то повлиять на них. Чтобы вы могли понять, что я имею в виду, приведу следующий пример. Анатолий Баранов, доктор филологических наук, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. Виноградова РАН, в своей лекции в интернет-журнале «Постнаука» привел интересный пример о том, как люди в России осознают феномен коррупции. Любопытным оказался тот факт, что, несмотря на внешнее проявление неприятия к коррупции (люди говорят о ней в сугубо отрицательном контексте), при анализе метафор, сопутствующих концепту коррупции, исследователи не находят конфликтной метафоры, к которой относятся, например, военная и спортивная метафоры. А используется, например, метафора жидкости, болота, почвы, на которой растут растения. Почему нам это важно? Дело в том, что метафора - это способ концептуализации мира, а то, как мы концептуализируем мир, влияет на наши действия. Иначе говоря, метафора влияет на процесс принятия решений. Если мы концептуализируем коррупцию как некую жидкость, которая течет сквозь пальцы, то тут сложно найти какое-то решение. Это и показывает то, как действительно люди относятся к коррупции. Осознание этого дает нам почву для размышлений. Если мы можем это осознать, что мешает нам изменить это?

Темой нашего исследования является концептуальная метафора в современном российском политическом дискурсе на примере дискурса П.Н. Грудина и других представителей левых сил России накануне президентских выборов 18 марта 2018 года.

Несмотря на то, что политическая лингвистика - сравнительно молодая отрасль прикладной лингвистики, насчитывается большое количество работ, выполненных в ее рамках. Это и исследования отдельных жанров

политической лингвистики, и анализ идиостиля того или иного политического деятеля, и исследования, посвященные способам влияния на общественное мнение. **Актуальность** работы определяется, во-первых, тем, что исследования в рамках политической лингвистики, даже если они исключают субъективных мнений автора, все равно имеют просветительский характер и открывают глаза читателю на многие вещи, которые принято не замечать, к которым мы уже все привыкли. Во-вторых, данная работа посвящена, в том числе, дискурсу Павла Николаевича Грудинина, политика, о котором всерьёз начали говорить лишь в преддверии выборов, его политический дискурс еще не изучен. Поэтому новизна нашей работы, помимо изучения дискурса КПРФ, заключается в изучении особенностей политического дискурса Грудинина, где мы попытаемся выделить и проанализировать концептуальные метафоры, которые он использует.

Материалом для работы послужили предвыборная программа П.Н. Грудинина, встреча кандидата с избирателями в Ростове-на-Дону от 5.02.2018, Выпуск «Время покажет» от 25.12.2017, интервью с П.Н. Грудининым на телевизионном канале Россия 24 в программе «Мнение», интервью с ведущим авторского шоу на YouTube канале «вДудь» и известным российским журналистом Юрием Дудем и пресс-конференция ТАСС с П.Н. Грудининым и другими представителями левых сил РФ.

Исследование выполнено в рамках направления когнитивного анализа политического дискурса и исключает любые субъективные оценки исследователя.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА.

1.1. История возникновения политической лингвистики

Политическая лингвистика стоит на пересечении двух наук и является интердисциплинарной. Как и все подобные науки, она с каждым годом становится все более популярной среди ученых. Но не стоит путать ее с социолингвистикой. В то время как последняя занимается проблемами функционирования языков в стране, проблемами мировых языков, языков международного общения, проблемами письменности той или иной страны, политическая лингвистика изучает политическую коммуникацию, то есть ЧТО и КАК говорят политики. В себя она вбирает лучшие достижения социологии, этнологии, социальной психологии и других наук, связь ее с другими гуманитарными науками очень крепка.

Политическая лингвистика изучает политическую коммуникацию, а именно политические тексты и речь. Политическая коммуникация отличается от любой другой тем, что обязательно преследует пропагандистские цели, имеет эмоциональное воздействие на аудиторию и преследует цель побуждения к тем или иным действиям. Политическая коммуникация используется в борьбе за власть. Политическая реальность безусловно связана с политической коммуникацией, но мы не можем сказать, что влияние это однонаправленно. Так, мы не можем сказать, что исключительно политическая реальность влияет на политическую коммуникацию, но и политическая коммуникация способна изменить политическую реальность. Примеры исследований, посвященных данному вопросу, мы приведем чуть позже.

Затрагивая тему политической реальности, мы переходим к подходу в изучении политических текстов, а именно к дискурсивному подходу. Дискурсивный подход подразумевает, что исследуемые политические тексты берутся обязательно в политическом контексте, в котором они были

употреблены, политической ситуации, других текстов, то есть интердискурса (впервые интердискурс был упомянут в Автоматическом анализе дискурса Мишеля Пешё и был именован, как «возможные дискурсы» (*discours possibles*), само наименование интердискурса появилось в работе А. Кюльоли К. Фукс и М. Пешё и было определено как результат действия одного дискурса на другой («*effet d'un discours sur un autre discours*» [Pêcheux, 1969], [Culuoli et al, 1970]), а также взглядами и даже характером человека, которому принадлежит текст.

Практическая значимость анализа политического дискурса не может быть поставлена под сомнение. Еще со времен Первой мировой войны, лингвисты заинтересовались прагматикой политических текстов, их пропагандистской силой. Прошло много времени, но интерес этот не пропал, а напротив, возрос, методы политического воздействия стали изощреннее, а значит, интереснее для изучения. Каким образом слова воздействуют на наше мышление и подталкивают нас к тому или иному выбору и действиям? Политическая коммуникация - это главный рычаг в борьбе за политическую власть, главное средство воздействия на выбор избирателей, депутатов.

В сферу политической лингвистики также входит анализ опыта других стран и эпох. Таким образом, узнаются особенности дискурса той или иной страны, также обусловленные политической реальностью, эти исследования приближают нас к пониманию других стран, позволяют нам узнать цели тех или иных поступков, узнать сильные и слабые стороны авторов.

По определению А.П. Чудинова и Э.В. Будаева, политическая лингвистика - направление лингвистики, изучающее использование языка в борьбе за власть и как средство манипуляции общественным сознанием. Предпосылками зарождения данного научного направления можно считать изучение проблем политического красноречия в Древней Греции. Однако с появлением феодальных монархий его развитие приостановилось, а стало вновь востребованным только с появлением демократического общества. Первоначальные публикации, посвященные проблемам политической

коммуникации, делились на те, что учили, как стать успешным оратором, к таковым можно отнести труды Дейла Карнеги «Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично», «Искусство публичной речи» и другие, и на те, что выделяли достоинства, иногда и недостатки, выступлений политических деятелей. Причинами убедительности речи тогда сводились к таким особенностям речи, как фонетические и ритмические, а также к таким качествам, как остроумие, задушевность, образность, открытость и простота речи. Критические работы разоблачали недобросовестные уловки, косноязычие, малообразованность и речевую небрежность.

После окончания Первой мировой войны, в период с 20-х по 50-е годы прошлого столетия исследователи языка фокусируются на анализе способов формирования общественного мнения. На данном этапе исследователи современной политической лингвистики выделяют нескольких авторов. Один из них - Уолтер Липманн. Ему присваивается установление понятия *процесса установки повестки дня* [Lippmann, 1922], которое используется в современной политической лингвистике и которое заключается в том, что в политической коммуникации замалчиваются одни вопросы, при том, что на других вопросах делается акцент. Таким образом, в восприятии общества создается мнимая и полностью сфабрикованная важность вопроса. Также, он один из первых использовал *методику контент-анализа* в изучении восприятия политики обществом. Так, в 1920 году У. Липманн вместе с Ч. Мертоном опубликовал исследование, основанное на анализе корпуса текстов в *The New York Times*, посвященных Октябрьской революции. В результате исследования авторы пришли к выводу, что у читателей не могло сложиться объективное мнение на эту тему. Более того, в газете желаемое выдавалось за действительное (например, говорилось о скором крахе Советского Союза), поэтому читатели не имели возможности самостоятельно сделать прогнозы.

Пол Лазарсфельд также является ключевой фигурой в лингвистике того времени. В Колумбийском университете он изучает вопрос пропаганды. В 1937 году он инициирует проект, в котором изучается воздействие радиовещания на американскую аудиторию. Этот проект в последствии выливается в создание «Бюро прикладных социальных исследований», в котором исследуются политическая и массовая коммуникации. Вместе с Р. Метроном они создают метод опроса фокус-группы для того, чтобы узнать мнение американцев насчет предвыборной агитации СМИ, а также степень зависимости электорального поведения от этой агитации. В результате эксперимента было выявлено, что только 54 человека из 600 опрошенных поменяли свое мнение о выборе. Это заставило исследователя усомниться в агитационной силе американских СМИ [Lazarsfeld, 1948]. Возможно, именно это и стало толчком к разработке его модели двухуровневой коммуникации, согласно которой, в каждом обществе есть лидеры общественного мнения, которые очень восприимчивы к агитации и пропаганде. Они передают свое мнение через каналы межличностного общения, тем самым также являясь элементом пропаганды [Lazarsfeld, 1957].

Гарольд Ласвелл стал основоположником метода количественной семантики, ставшей нововведением в тот период. Метод этот он продемонстрировал в своей монографии *Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics* [Lasswell, 1949]. В данном исследовании он вместе с другими исследователями изучал взаимосвязь между семантикой языковых единиц и политическими процессами. Он также исследовал зависимость между стилем политического языка и политическим режимом. В ходе этих исследований он сделал вывод, что демократический политический язык ближе к народу, в то время как тоталитарный дискурс дистанцирован. Еще один вывод, к которому он приходит заключается в том, что языковые изменения предшествуют демократизации общества или наоборот его кризису.

Среди прочив авторов специалисты также выделяют писателя Дж. Оруэлла и его концепты «двоемыслия» и «новояза» в романе «1984». Эти принципы и стали пророческими способами речевого манипулирования с целью завоевания и удержания власти. Большую роль в речевой манипуляции в романе играли «оксюморонные лозунги» («война - это мир», «свобода - это рабство»). Данный пример очень красочно показывает, как заведомо ложная идея может подаваться как единственно правильная. В этом же периоде авторы упоминают книгу Виктора Клемпера «ЛТІ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога» (1947), посвященную новоязу в Германском фашизме. ЛТІ здесь расшифровывается как лингвистика третьей империи. В своей книге немецкий филолог описывает нацистский новояз, в частности, такие его проявления, как кавычки, неудобные слова и новые идеи. Например, выражение «немецкий поэт» Гейне четко дает понять читателю, что Гейне вовсе не поэт, а к Германии имеет отношение очень опосредованное. Еще до публикации романа в 1946 году Оруэлл пишет статью под названием *Politics at the English Language*, в которой поднимает вопрос о так называемых на сегодняшний день идеологемах. Согласно данной статье, в политической речи слова не имеют определенного значения. Например, у слова демократия нет определения, у него есть лишь положительная оценочная характеристика. Именно поэтому все стремятся называть свой политический режим демократичным. Ни одно тоталитарное государство не хочет дать термину демократия точное определение, ведь в таком случае его уже нельзя будет свободно употреблять. Дж. Оруэлл считал, что таких слов много и они используются в целях манипуляции (*totalitarian, progressive, reactionary, bourgeois, equality*) [Orwell, 1946].

Позднее появляются описания коммунистического новояза, а также противостояние ему в Польше, Чехии, Восточной Германии. Выделяются и особенности коммунистического тоталитарного дискурса, такие, как новые политические определения. Например, такие выражения, как «буржуазный гуманизм» или «абстрактный гуманизм» вовсе не обозначал гуманизм, а

подразумевал недостаточно жесткое отношение к политически неудобным, проявление слабости. В противовес ему ставился «социалистический гуманизм», что еще меньше напоминало гуманизм и допускало жестокость по отношению к противнику. В 1953 году публикуется работа американского социалингвиста с русскими корнями Натана Лейтиса, посвященная советской политической речи, *A Study in Bolshevism* [Leites, 1953]. Будучи сотрудником РЭНД, большого научно-исследовательского центра в Калифорнии, изучающего проблемы международных отношений и национальной безопасности, Лейтис должен был предоставлять американскому правительству сведения о советской политической элите. Изучая идиолекты политических деятелей, Лейтис желал понять советское мышление и прогнозировать будущие политические решения. Для этого ему было необходимо погрузиться в русскую литературу, о которой он впоследствии скажет то, что лишь немногие, помимо русских писателей, смогли так раскрыть национальные характеры. В политической речи исследователь искал подобные поведенческие модели, а затем пытался выявить их «латентные значения» с помощью метода психоанализа. Например, исследователь пришел к выводу, что большевистская модель поведения появилась в противовес обломовской лени. Он пошел дальше и начал сравнивать дискурс советской элиты с интеллигенцией девятнадцатого века и нашел следующие особенности. Большевистский дискурс гораздо более жесткий, агрессивный и неподатливый, в то время как элита девятнадцатого века была более переменчива, задумчива, ее больше занимали душевные поиски.

60-е - 80-е годы охарактеризованы интересом стран к современным демократическим государствам и их политической речи. Холодная война не позволяет милитаристскому дискурсу отойти на второй план. В лингвистическом арсенале появляется так называемый *nukespeak* или ядерный язык. Этим термином обозначаются попытки государств оправдать использование ядерной бомбы, при этом умалчивая о результатах этой

катастрофы. Например, так сказать, агентами ньюспика стали эвфемизмы, опущения и попросту запутывание. Так, говоря о последствиях, упоминались «эффекты для здоровья» (health effects), когда подразумевался рак. Языковым ответом на это стали метафорические образы, которые подчеркивали всю опасность ядерного оружия («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны») [Будаев, Чудинов, 2006, с. 15]. Так, политическая лингвистика приобретает гуманистический смысл.

В этот же период появляется французская школа анализа дискурса (Л. Альтюссер, М. Пеше, М. Фуко). Их теоретической основой стали идеи психоанализа, марксизм и структурная лингвистика, а предметом исследования - множество текстов с учетом исторического, социального интеллектуального направления, их взаимодействие с другими текстами с учетом интенции автора, по возможности с интрадискурсом (другими высказываниями автора) и интердискурсом (высказываниями других лиц по этой теме).

В 70-е - 80-е годы за рубежом происходит глобализация политической лингвистики, регулярно появляются учебники, посвященные политической коммуникации и методам ее анализа. В эти же годы появляется дискурс терроризма, нового мирового порядка, политкорректность, социальная толерантность. В 1980 году Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают милитарную метафору президента Дж. Картера.

В конце прошлого века возникает новое направление в политической лингвистике - критический дискурс-анализ. Слово «критический» в данном контексте используется для того, чтобы обратить внимание читателя, не занимающегося непосредственно наукой, на связь между языком, коммуникацией, идеологией и властью. Таким образом, представители данного направления, которые и сами занимают явную активную социальную позицию, изучают какое влияние имеет коммуникативная действительность на социальное неравенство в стране, а также языковое сопротивление. В 1990 году благодаря Т. ван Дейку выходит журнал Discours

and Society, в котором публикуются статьи по данному направлению из абсолютно разных стран. Нидерландский лингвист и по сей день остается его главным редактором. Исследования в рамках критического дискурс-анализа основываются на фактах злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. Например, в данном журнале можно найти феминистские исследования, статьи, связанные с массовым или этническим неравенством. Их центральная тема - коммуникативные проблемы, которые провоцируют угнетенное положение данных социальных, этнических и расовых групп. Если чуть подробнее раскрыть тему массового неравенства, то стоит отметить исследования, концентрирующиеся на представителях разных рас, этносов и культур, представленных в образе «чужих» в СМИ, парламентских дебатах, учебниках. Например, под предводительством Т. ван Дейка осуществляются исследовательские программы, изучающие то, как в тех же СМИ и парламентских дебатах представлены суринамцы, турки, марокканцы в Голландии. Подобное исследование под руководством Рут Вода исследует антимигрантский и антисемитский дискурс в Австрии. В данных исследованиях прослеживается сходство в речевых выражениях, используемых для описания «чужаков», основанных на стереотипах и уничижительной лексике. Так, представители других рас и национальностей представляются преступниками, лентяями и маргиналами.

1.2 История отечественной политической лингвистики

А. П. Чудинов выделяет три основных этапа в развитии отечественной политической лингвистики. Первый этап он относит к 20 - 30-м годам прошлого столетия, когда начались изучения преобразования русского литературного языка после 1917 года такими авторами, как Г.О. Винокур, С.И. Карцевский, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, П.Я. Черных, Р. О. Якобсон, Андре Мазон. Результатом стало обнаружение различных изменений в стилистической и лексической системах языка, например,

появление аббревиатур, увеличение диалектизмов и варваризмов, увеличение использования просторечий и в то же время официально-деловой речи.

Вторым этапом А.П. Чудинов выделяет 30-е - 40-е годы двадцатого века, когда последователями Н.Я. Марра были произведены попытки описания «языка эксплуататоров» и «языка трудящихся» как двух практически разных систем языка. В этот же период появлялись исследования языка политических лидеров, таких как М.И. Калинин, С.М. Киров, В.И. Ленин, И.В. Сталин и других. Данные работы в основном восхваляли ораторские качества политических лидеров, однако, не без оснований.

Третьим периодом А.П. Чудинов считает период, охватываемый временными рамками 50-х - 80-х годов прошлого века. В данный период политическая речь рассматривалась в работах, посвященных теории и практике ораторского искусства и исследованиям деятельности средств массовой коммуникации. Также, в данный период проблемы агитации и пропаганды приобретают распространенность в публикациях по развитию русского языка. В это время пишутся работы, посвященные послеоктябрьским переменам, произошедшим в языке, изменению лексико-фразеологического фонда языка и т.д. Стоит заметить, что среди ученых были те, кто полностью поддерживал ведущую идеологию, но были и те, для кого главным являлось желание заниматься наукой, несмотря на все сковывающие обстоятельства.

Автор статьи «Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления» А.П. Чудинов отмечает, что зарубежные авторы (Андре Мазон, Астрид Бэклунд, Патрик Серио) и российские эмигранты (С.М. Волконский, И. Земцов, С.И. Карцевский и др.) также внесли свой вклад в изучение советского политического дискурса, учитывая, что жесткая цензура не позволяла отечественным авторам быть абсолютно объективными [Чудинов, 2003]. Однако многие работы эмигрантов также сложно назвать объективными, так как большинство

инноваций в языке ими отвергались. Примером такой работы может послужить книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при Советах» [Фесенко, А. и Т., 1955]

Политическая лингвистика как отдельное научное направление формируется в России в последнее десятилетие двадцатого века, период перестройки развязал руки исследователям, которые теперь имели возможность публиковать более объективные исследования. Более того, теперь они могли также объективно анализировать труды зарубежных лингвистов и сравнивать политические тексты разных стран. Одни исследователи уверены, что с демократизацией общества в стране на смену советскому новоязу пришел новый политический язык. Однако другие уверены, что наша политическая коммуникация еще далека от идеала и отмечают такие ее негативные стороны, как бездумное следование западному образцу, чрезмерную языковую раскрепощенность. Одно усвоено точно, не только тоталитарный режим использует речевую манипуляцию для достижения своих целей. Они лишь используют более явные методы, а именно лозунговость, отсутствие диалога с народом, стандартизованность и ритуальность. Современный, так называемый постновояз, намного изощреннее. Поэтому практическая польза политической лингвистики не может быть поставлена под сомнение.

В последние годы особенностями современной политической речи занимаются такие специалисты, как В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Н.А. Безменова, А.Д. Васильев, И.Т. Вепрева, С.И. Виноградов, О.И. Воротьева, В.Г. Костомаров, Е.А. Земская, Л.П. Красин и другие. Многочисленные современные исследования делятся по направлениям. Одни специалисты исследуют теоретическую основу политической лингвистики, анализируют конкретные единицы в рамках политических текстов, другие фокусируются на языке советских политических лидеров и языке постсоветской эпохи, третьи анализируют подходы к изучению политической лингвистики. Кроме того, существуют исследования, посвященные жанрам и стилям

политического языка, идиостилям того или иного политического лидера, политического направления или партии.

1.3 Основные направления современной политической лингвистики

Современные направления в политической лингвистике продолжают традиции направлений, выявленных еще в прошлом столетии. Современными учеными вносятся модификации, объясняемые новой политической ситуацией в той или иной стране. Проявляются новые виды дискурсов (дискурс терроризма, политкорректность), но и старые не отстают. Так, на сегодняшний день, в политической лингвистике выделяются следующие направления:

- критический анализ политического дискурса;
- контент-анализ политического дискурса;
- риторический анализ политического дискурса;
- когнитивное исследование политического дискурса.

Первое направление мы уже затрагивали, говоря о конце прошлого века, оно тесно связано с именем Тена ван Дейка и с его журналом «Discourse and Society». Критический анализ политического дискурса изучает то, как власть осуществляет господство, а именно каким образом коммуникативная деятельность провоцирует социальные неравенства в обществе и какое языковое сопротивление встречается в этой коммуникативной деятельности. Исследователи в рамках этого направления занимают активную социальную позицию и стремятся предупредить социальные конфликты. Материалом их исследований служат политические тексты, созданные в момент социального риска. Эти исследования, в основном, анализируют то, как политическая коммуникация провоцирует социальное, гендерное и этническое неравенство. На данный момент современные исследователи продолжают

изучать политическую речь тоталитарных режимов, а также языковое сопротивление ему в диссидентском дискурсе.

Первое использование контент-анализа в политической лингвистике связано с именем Уолтера Липманна и его исследованием корпуса статей из *The New York Times* [Lippmann, 1922]. В отличие от критического анализа в политической лингвистике, контент-анализ исключает любые субъективные оценки исследователя. В основном, при контент-анализе за материал берутся большие корпуса текстов, а их обработкой занимается компьютер. Далее, в исследовании уже в статистической форме, показывается взаимосвязь между политическим языком и политической реальностью. Существуют два подхода к изучению в рамках данного направления. Первый заключается в использовании больших корпусов для исследования. Второй же подразумевает строить исследование на основе небольшого корпуса политических текстов, связанных с определенным политическим событием или ситуацией и ограниченных временными рамками. Также в рамках этого направления изучаются политические тактики восхваления, критики и защиты, соотношение содержания, связанного с общественной проблемой, и отталкивание от каких-либо личностных качеств политиков в политической речи, акценты на прошлое и будущее, их соотношение.

Следующее направление в политической лингвистике черпает вдохновение из традиционной методики. Однако, риторическое направление подверглось некоторым изменениям. Вместо обычного описания речевого искусства и умения производить речь того или иного оратора, в данный момент, в североамериканских исследованиях центральное место занимает риторическая картина или, как ее еще называют, риторический критицизм. Критическая методология определяет, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать приемлемым и неприемлемым для определенного общества» [Будаев, 2006, с. 176]. На смену объективного описания риторической практики приходит намерение показать скрытый смысл, скрытую символику, интенции автора, то, как культурные стереотипы

отражаются в его речи. Кратко - показать то, что не видно на первый взгляд. Согласно исследователям данного направления, риторические факты несут в себе скрытые знания. Метод, который используется в рамках данного направления - это подробный анализ текста с учетом исторического и культурного контекста.

Последнее направление - направление когнитивного исследования очень популярен среди современных исследователей политической лингвистики. Данное направление связано с когнитивной лингвистикой, направлением лингвистики, возникшим в середине прошлого века, то есть примерно в то же время, что и политическая лингвистика. Центральное место в когнитивной лингвистике занимает метафора, которая рассматривается как способ познания, категоризации и оценки реального мира. В когнитивной лингвистике метафора - это ментальный феномен, в политической лингвистике - это также внешнее отражение внутренней концептуальной метафоры, заложенной в нашей понятийной системе и влияющей на наше восприятие мира, наше мышление и на нашу деятельность.

В каждой стране это направление развивается специфично. Существуют две тенденции - влияние западных исследований и развитие в данном направлении в других странах или, напротив, критика западных теорий, выявление их несостоятельности. Приверженность западным теориям, например, можно выделить в исследованиях Южной Кореи. В Японии же наоборот западная методика абсолютно неприменима. Например, использование ранее упоминаемой модели *лидера общественного мнения* в Японии бессмысленно, ведь японцы избегают политических диалогов дабы предупредить какое-либо столкновение мнений.

История изучения политической лингвистики в Китае больше схожа с отечественным развитием. Так, во времена холодной войны китайские исследователи анализировали китайскую коммунистическую пропаганду и ее эффективность, сравнивая с советскими показательными образцами. Начиная с 80-х в Китае начинают появляться демократические и западные отголоски.

Возникает возможность сравнения с капиталистическими странами и дальнейший их анализ.

Подытожив, скажем, что в некоторых странах применение какого-то из направлений невозможно в силу особенностей политического режима и его ограничений. Поэтому многие страны ищут свой путь в политической лингвистике, ищут собственные оригинальные подходы к ее изучению, тем самым создавая уникальную базу исследований.

1.4 Аспекты исследования политической коммуникации и разновидности политического дискурса

Аспектами исследования политической коммуникации являются языковые феномены (так как исторический момент влияет на язык, каждый новый переворот в историческом развитии государства создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включая концептуальные метафоры и символы), текстовые единицы (жанровые особенности текстов, их композиция), коммуникативные стратегии и тактики (коммуникативное поведение). К жанрам, исследуемым в рамках политической лингвистики можно отнести парламентские дебаты, их изучением занимаются А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич, С.И. Виноградов, Л.К. Граудина, О.Л. Дмитриева, митинговую речь (М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова), язык СМИ (А.Д. Васильева), М.А. Канчер и Н.Г. Мартыненко пишут о специфике телевизионной политической речи. Настенные надписи и лозунги так же относятся к жанрам политической лингвистики. Предвыборная борьба и ее особенности стоят в центре интересов исследователей политической речи.

Также, в рамках политической лингвистики изучаются идиостиль, то есть индивидуальный авторский стиль оратора, и идиолект, или совокупность индивидуальных (профессиональных, социальных, территориальных, психофизических и др.) особенностей, характеризующих речь данного индивида; индивидуальная разновидность языка [Ахманова, Словарь лингвистических терминов, 1996]. Так, например, по ходу изучения

идиостилей и идиолектов были сделаны следующие выводы: «политические экстремисты более склонны использовать в речи метафорические образы» [Вершинина, 2002]; политические лидеры используют метафору с целью актуализации необходимых эмотивных ассоциация; политические деятели сами выбирают понятийную область, так, одна ситуация может быть освещена с двух противоположных сторон; метафоры задают способ осмысления ситуации. [Будаев, Чудинов, 2006].

При отборе корпуса для исследования разделяется узкий и широкий подход. Узкий подход подразумевает, что анализироваться будут тексты политиков (институциональный политический дискурс), широкий подход - что анализируются тексты политиков, а также тексты, связанные с политическими проблемами.

Институциональный политический дискурс подразделяется на тексты политиков и масс-медийный политический дискурс, то есть тексты, создаваемые журналистами.

Кроме того, политический дискурс может переплетаться с официально-деловым (тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата), с бытовым дискурсом (письма, надписи, анекдоты и даже бытовые разговоры), с художественным дискурсом (политические детективы).

Также, в исследованиях политической коммуникации разграничивают письменную и устную речь.

1.5 Стратегии и тактики политического дискурса

Политики своей речью влияют на свою аудиторию, кандидаты в президенты своей речью желают убедить свой потенциальный электорат проголосовать за них. Политический дискурс персуазивен, то есть его задача убедить слушателя или читателя совершить или, напротив, не совершать чего-то [Чернявская, 2006]. Чтобы этого достичь некоторые высказывания продуцируются не случайно. Политический дискурс воздействует на эмоции и представление человека о мире, концептуализирует это представление

посредством коммуникативных стратегий и тактик. Тактики - это приемы, которые политические деятели используют для достижения той или иной стратегии. В нашей работе мы основываемся на классификации стратегий и тактик, разработанной О.Л. Михалёвой [Михалёва, 2009]. В своей работе она выделила три стратегии политического дискурса: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегии театральности. Разберем каждую поподробнее.

Стратегия на понижение.

Используя данную стратегию, участник политического дискурса преследует цель дискредитации своего оппонента. Это может выражаться эксплицитно, а может иметь скрытый характер, но главная цель - представить противника в негативном свете и создать некий контраст со своей личностью, тем самым подчеркнуть свои положительные качества.

Данная стратегия предполагает использование следующих тактик.

1. Тактика анализ - «минус».

Используя данную тактику, политический деятель представляет ситуацию или своего оппонента в негативном свете, при этом не выражая личного мнения. Он описывает ситуацию, возможно приводит статистические данные, но все это делается отстраненно. Безличные конструкции очень распространены при ведении такой тактики.

2. Тактика обвинения.

Тактика обвинения основана на прямой дискредитации оппонента с целью уличить его в чем-либо. Обвинения могут не иметь доказательств, но они уже не скрываются. Ярким примером современного политического деятеля, использующего эту тактику, можно представить В. Жириновского.

3. Тактика безличного обвинения.

Используя данную тактику, спикер выносит обвинение, но не называет обвиняемого. Данная тактика часто используется в политике, так как с помощью нее противопоставляются «хорошие» и «плохие», при этом создается единение с аудиторией. При этом, оппоненты не смогут уличить в ложном обвинении, ведь имена не называются, а создается лишь образ, и этот образ представлен в неблагоприятном свете.

4. Тактика обличения.

Тактика обличения схожа с тактикой обвинения, однако все обвинения при ней подкрепляются фактами. Обвиняемый не скрывается, а само обвинение не носит расплывчатый характер, оно четкое, прямолинейное и неприкрытое.

5. Тактика угрозы.

Название тактики говорит само за себя: главная цель ее - запугивание оппонента.

Стратегия на повышение, в противовес стратегии на понижение, концентрируется на личности самого говорящего, который старается показать себя с лучшей стороны. Для этого применяются следующие тактики.

1. Тактика анализ - «плюс».

Эта тактика характеризуется положительным, но при этом неявно выраженным отношением автора к определенной ситуации. Зачастую, эта ситуация была негативной, но изменилась к лучшему. Политический деятель не нацелен на очернение какого-либо положения, но подчеркивает произошедший прогресс.

2. Тактика презентации.

В данном случае тактика служит автору для того, чтобы он мог выгодно представить нужное ему лицо. Для этого автор рассказывает о преимуществах, сильных сторонах и наилучших качествах выбранного объекта. Спикер буквально презентует человека публике. Порой политики пользуются этой тактикой для самопрезентации, где используют аналогичные приемы.

3. Отвод критики.

Суть этой тактики в оправдании себя и своего имени. При помощи различных аргументов автор старается парировать все упрёки и осуждения. Его цель заключается в том, чтобы оправдаться перед публикой и не вызвать негативных последствий, при этом игнорируется причастность к неблагоприятному инциденту, в которой его уличают.

Стратегия театральности.

Неотъемлемой частью в сфере театра является зритель (наблюдатель). В политической действительности этим наблюдателем становится потенциальный избиратель. Именно поэтому политическая борьба порой становится зрелищной и даже театральной. Также эта стратегия предполагает высокий уровень эмоциональности, воздействующий на адресата-наблюдателя.

1. Тактика побуждения.

Эта тактика предполагает, что политик старается не просто убедить аудиторию, но еще и побудить ее к какому-либо действию. Для успешного применения этой тактики автору следует предстать перед потенциальными избирателями в наилучшем свете, поэтому порой она сопряжена с тактикой самопрезентации. Также спикеру необходимо показать свою сопричастность

с электоратом, поэтому вместо «я» политики зачастую используют «мы», чтобы аудитория чувствовала себя частью политической жизни.

2. Тактика размежевания.

Эта тактика характерна построением оппозиции «свой-чужие». Здесь значительную роль играет оппонент, который и является «чужим». Автор противопоставляет себя и «своих» своему политическому противнику, дискредитируя его позицию в глазах электората и приписывая его к «недостойным и нечестным чужим».

3. Тактика обещания.

Используя данную тактику, политик обязуется выполнить определенные обещания. В этом случае высокой эмоциональности говорящий может добиться при помощи глагола совершенного вида будущего времени. Например, «накажу», «истреблю», «восстановлю».

1.6 Примеры исследований политической метафоры

Мнения на природу политической метафоры неоднозначны. Теория концептуальной метафоры предполагает архетипичность метафоры. Это значит, что политические метафоры неизменны, воспроизводятся во все времена и, в свою очередь, отражают бессознательные архетипы. Другой лагерь исследователей считает, что политическая метафора вариативна. Так, например, М. Осборн в своем исследовании заявляет, что развитие мира и частотность архетипичных метафор неразделимы [Douglas, Ehninger, 1962]. Также, согласно этой точке зрения, существует корреляция между метафорами и временными периодами. Так, например, в эру индустриальной революции количество антропоморфных метафор значительно убавилось в сравнении с метафорами со сферой-источником *механизм*.

Исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» не только является столпом в когнитивном подходе к метафоре, но

также является основой современных когнитивных исследований политической метафоры. В своей работе авторы рассматривали милитарную метафору. Картера. В данном исследовании было выявлено, что с первого взгляда безобидная концептуальная метафора *труд - это ресурс* скрывает в себе далеко не гуманную сущность политики государства. В ходе исследования авторами был сделан вывод о том, что концептуальная метафора формирует идеологии.

Североамериканские исследования политической метафоры

Объектом изучения политических метафор может послужить политический нарратив, под этим термином мы понимаем «совокупность политических текстов, тематически концентрированных вокруг определенного политического события (выборов, референдума и т.п.)» [Будаев, Чудинов, 2006, с. 37]

Ярким примером североамериканского исследования политической метафоры может послужить работа Дж. Лакоффа 2003 года, посвященная освещению событий, связанных со второй войной в Персидском заливе, в администрации и СМИ США [Lacoff, 2003]. Таким образом исследователем было выявлено несколько метафорических моделей, целью которых было оправдание войны.

Первая метафорическая модель - *Государство - индивид*. В данной модели использовалась конкретная метонимия «Ирак - это Саддам Хуссейн», таким образом, при помощи данной концептуальной метафоры создается впечатление, что война идет против одного человека, и тысячи бомб будут сброшены на него, а не на весь Ирак. Также, согласно американским СМИ существуют *государства-взрослые* и *государства-дети*, при этом первые вполне имеют право дисциплинировать вторых. В данном случае реализуется метафорическая модель *государство - это родитель*.

Вторая модель, выделенная Дж. Лакоффом - модель *рациональной личности*. В данной модели государство - это рациональная личность,

которая желает увеличить свои доходы и сократить расходы. Война в данном случае осмысливается в рамках концептуальной метафоры *война - это сделка*.

Третья модель - *сказка о справедливой войне*. В любой сказке есть герой и злодей. Две войны осмыслились в следующих сюжетных линиях. Первая война - это сказка о спасении, где Ирак - злодей, Кувейт - жертва, а США - спаситель. Во второй войне жертва и спаситель совпали, а сказка превратилась в историю о самозащите.

Также особый интерес представляют исследования, направленные на анализ метафор определенной сферы - источника, а также на то, как эти метафоры влияют на американскую демократию. Например, К. Мэлоун [Будаев, Чудинов 2006, с. 39] выделяет спортивную метафору как наиболее распространенную в политической речи, что приводит к негативным последствиям. Во-первых, если рассматривать политику как соревнование, то избиратели - всего лишь болельщики, а значит никак не участвуют в политической жизни. Данная концептуальная метафора формирует психологию пассивного наблюдателя.

Дж. Лакофф также анализирует предпочтение политическими партиями той или иной концептуальной метафоры в понятийной сфере *семья*. Например, консерваторы предпочитают модель *государство - строгий отец*, который может защитить свою семью от внешней угрозы и научит ребенка правильно себя вести, при этом достигнуть послания можно через наказание. Либералы же больше предпочитают модель *государство - воспитывающий родитель*. В данной модели гендерные роли уравнены, оба родителя ответственны за воспитание детей, которые улучшают мир и воспитывают других.

Важными двигателями теории о прагматическом потенциале концептуальной метафоры являются исследования, анализирующие роль метафор в развитии социальных процессов. Например, Р.Д. Андерсон в своей работе «The discursive origins of Russian democratic politics» высказывает дискурсивную теорию демократизации, в которой дискурсивные инновации

стоят во главе демократических изменений в обществе [Anderson, 2001]. В своей работе он проанализировал советско-российские политические метафоры в выступлениях Политбюро 1966 - 1985 гг., выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов и тексты политиков 1991-1993 гг. В своем исследовании Р.Д. Андерсон приходит к следующим выводам: с самостоятельными выборами представителей власти уменьшается количество метафор превосходства и субординации, вертикальные метафоры сменяются горизонтальными. Таким образом, постепенно с переходом от авторитарного к демократическому дискурсу, в сознании людей искореняется представление о кастовости власти, ее отделении. Язык политиков сближается с языком народа, становится более вариативным, так же, как и прославляемые идеи. В своем исследовании Р.Д. Андерсон отмечает, что изменение метафор предшествует изменению и демократизации общества, а обратное не было выявлено, так же, как и не была найдена какая-либо третья сила, предшествующая процессам изменения дискурса и демократизации общества.

Российские исследования политической метафоры

Что касается отечественного изучения политической метафоры, то еще в 90-х годах двадцатого века А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым были созданы два словаря политических метафор, относящихся к эпохе перестройки и первых лет правления Б.Н. Ельцина. В своих работах российские исследователи за основу берут обширные корпуса, в которых исследуют все сферы-мишени и сферы источники, а затем, подсчитывая частотность, выявляют доминирующие модели (Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов, А.Н. Баранов). Другие исследователи фокусируются на одной метафорической модели и детально анализируют ее сферу-источник, сферу-мишень, ее прагматические смыслы, а также ее реализацию в политическом нарративе, желая выявить причины ее активного употребления в дискурсе.

Другая группа авторов фокусируются на сопоставительном исследовании, сравнивая политические дискурсы в разных странах (Бакомова, Будаев, Каслова и др.) А.П. Чудинов отмечает, что такие исследования позволяют разобраться в том, что является присущим только данному национальному политическому дискурсу, а что является общечеловеческим. Таким образом, исследователи пришли к выводу о том, что многие метафоры встречаются в политических дискурсах очень многих стран. Среди них А.П. Чудинов выделяет метафоры со сферой-источником *война, театр, спорт, дорога, мир животных, мир растений, погода, болезнь, механизм, дом*.

Политические метафоры, присущие сугубо российскому политическому дискурсу, также выделены исследователями. Например, метафорическое представление главы государства как царя, что совершенно не свойственно, американскому политическому дискурсу. В то время как метафорический образ справедливого полицейского вовсе не воспринимается российскими людьми.

Также, особый интерес представляют метафоры со сферой-источником спорт и дом. В американском политическом дискурсе метафора, представляющая политику как футбольный матч, апеллирует к совершенно другой игре, лишь немного напоминающей привычный нам и европейцам футбол. А политические образы, восходящие к концепту «коммунальная квартира» едва ли будут поняты за пределами России. В данном случае метафоры с одной и той же сферой-источником могут быть поняты абсолютно по-разному в разных странах. Так, исследователи приходят к выводу, что использование тех или иных метафор в политическом дискурсе во многом зависит от идеологии страны, ее национальных, социальных и культурных особенностей.

1.7 Метафора

Термин «метафора» восходит истоками к Аристотелю и его восприятию искусства как подражание жизни. Спустя тысячелетия понимание метафоры изменилось, мнения разнятся, но вплоть до сегодняшних дней метафора занимает умы ученых, писателей, кинематографистов и других деятелей. Метафора стала ключом к пониманию нашего мышления, национально-специфического видения мира и его универсального представления. Метафора присутствует не только в поэтической речи, но и во многих других текстах. Она распространена во всем разнообразии художественной, повседневной и научной речи. Такая экспансия метафоры повлекла за собой обращение внимания ученых не столько на ее эстетическую ценность, сколько на ее практическое использование, на ее способность повлиять на понимание нами мира.

Что касается практического применения метафоры в нашей речи, то существует ряд текстов, в которых метафоре нет места. А именно в ряде видов делового дискурса. Это законные и военные приказы, уставы, требования, указания. Метафора не встречается и в различных предписаниях, словом, в текстах, требующих однозначного понимания. [Арутюнова, 1990, с. 6]

Однако если говорящий хочет добиться эмоционального воздействия, то в ход идет метафора. Например, пытаясь уstrasить своего оппонента, ультиматум может быть выражен метафорически. Любой член социума может быть заинтересован в эмоциональном нажиме, а лучшее средство для этого – введение в обиходную речь артистизма, а значит и метафоры. [Арутюнова, 1990, с. 6]

Образное мышление очень важно для человека. Он ищет связи и сходства между различными бытовыми вещами и явлениями. Но человек

способен не только находить связь между областями, которые мы воспринимаем разными органами чувств (*теплый тон* и *теплый воздух*), но и между конкретными и абстрактными понятиями, материей и духом – *вода течет, жизнь течет*. В последнем случае человек не находит сходства, а в буквальном смысле создает их. [Арутюнова, 1990, с. 8]

Наша психика позволяет нам сопоставлять несопоставимое, именно эта способность порождает метафоры. Но на употребление метафор налагаются стилевые ограничения, о чем уже было сказано.

В метафоре сосредоточена и ложь и истина, она показывает противоречивость впечатлений и ощущений. Метафора способна превратить ложное высказывание в верное. Это представляется возможным, потому что ложное и правдивое в метафоре из разных миров. Первое – из реальной действительности, а последнее – из мира индивидуальных обликов. [Арутюнова, 1990, с. 18]

Говоря о метафорическом контрасте, стоит заметить, что, чем дальше друг от друга находятся разряды объектов, тем ярче получается метафора. Таким образом, одна из главных черт метафоры – соположение далекого [Арутюнова, 1990, с. 20].

Тот факт, что метафора связана с фантазией, с образностью позволяет говорить о метафоре в контексте живописи, театра и кино. Однако такая метафора отличается от словесной. Словесная метафора едва ли может быть перенесена на полотно. Метафора в изобразительном искусстве не порождает новых смыслов, и механизм создания метафоры отличается. Изобразительная метафора не двухсубъектна, для ее создания не нужны объекты разных разрядов. Она лишь создает образ, который приобретает символическую значимость.

Зачастую критики высказываются о метафорике и символике в работах того или иного автора, а иногда встречается и синонимическое

использование выражений метафорический и символический образ. Действительно, и метафора и символ связаны с образом, но они не могут быть отождествлены. Согласно Н.Д. Арутюновой, сходство метафоры и символа состоит в том, что они стихийны и возникают в ходе художественного освоения мира. Метафора и символ не инструментальны, не прагматичны. На этом сходства метафоры и символа заканчиваются. Метафора основана на категориальном сдвиге, что ее отличает от символа. В метафоре всегда сохраняется целостность образа, в то время как символический образ может распасться на элементы, при этом отдельный элемент (например, цвет, форма) может получить символическую значимость. Распад образа на элементы помогает его прочесть.

Метафора выполняет характеризующую функцию, это предопределяет ее частое употребление в позиции предиката в предложении. Разумеется, в поэтическом языке не существует строгих позиционных ограничений. Так, метафора может употребляться и в функции именованного, но это затрудняет понимание смысла сказанного. Символ, в свою очередь, не выполняет характеризующую функцию, он не может занять позицию предиката. Символ указывает на некий смысл, но не характеризует его.

Метафору, как правило, относят к конкретному субъекту, в этом ее ограничение в плане значения. Символ, напротив, гораздо абстрактнее. Метафора выполняет «земную» задачу. Метафора углубляет понимание реальности, символ уводит за ее пределы.

Но главное фундаментальное различие между метафорой и символом состоит в том, что переход от образа к метафоре вызывается внутриязыковыми нуждами, в то время как переход к символу не определяется факторами лингвистического порядка. Символ приобретает свои функции в жизни лица, общества, государства. Символ может быть для «кого-нибудь», он входит в личную и социальную сферу. Нельзя отрицать, что метафора не может быть субъективной, но она не может быть метафорой

для «кого-нибудь». Символ выполняет в жизни людей очень непосредственную функцию. Символами становятся, до них возвышаются. [Арутюнова, 1990, с. 23-26].

Метафору также часто путают со сравнением, они действительно близки. Аристотель считал, что метафора и сравнение - это синонимы, о чем и писал в труде *Риторика. Поэтика*. Единственное их различие для Аристотеля состояло в союзе сравнения. Об этом же говорила и Н.Д. Арутюнова, описывая основной прием создания метафоры - следует убрать компаративную связку или аналогичное предикативное слово (подобно, точно и т.д.) у сравнения [Арутюнова, 1990, с. 26-27]. Однако, с середины прошлого столетия классический Аристотелевский взгляд на метафору подвергся критике. Например, Г.Н. Складарская приводит в пример Блэка и Дж. Сёрля как оппозицию традиционному пониманию метафоры [Складарская, 2017]. Дж Сёрль обосновывают различие между метафорой и сравнением тем, что не все метафоры можно соотнести с каким-то сравнением, во-первых, и, во-вторых, теория сравнения не объясняет нам, что имел в виду автор, используя какую-либо метафору [Сёрль, 1990].

Ссылаясь на Ж. Дюбуа, Г.Н. Складарская подчеркивает, что цель сравнения - объяснение понятий. Метафора же призвана соединять две реалии, которые в жизни не могут быть совместимы. Метафора не нацелена объяснить явление, это своего рода семантический конфликт [Складарская, 2017]. В сравнении нет никакого конфликта, реалии не сливаются, а остаются каждая в своей категории.

Еще одним отличием метафоры от сравнения Г.Н. Складарская отмечает количество признаков, на основании которых формируются непосредственно сравнение и метафора. У сравнения это число не превышает двух, один или два незаменимых признака, служащих фундаментом для сравнения. У метафоры это не один признак, а целый комплекс таковых,

«скрытых в глубинах семантики». В теории концептуальной метафоры они будут названы прототипическими функциями [Скляревская, 2017].

Метафору и сравнение сложно отождествлять еще и потому, что зачастую сема, которая представляется в сравнении не согласовывается с символом метафоры. Пр.: «сравнения *шитит как змея, речка извивается змеёй* не имеют семантического соответствия с метафорой *змея* ‘коварная, злая женщина’» [Скляревская, 2017]. Так, в метафоре реализуется совсем иной семантический компонент, нежели в сравнении.

1.8 Когнитивный подход к изучению метафоры

Изучая политическую метафору, мы рассматриваем метафору, как когнитивный процесс. В 20 веке метафора становится для лингвистики объединяющим феноменом. Её исследование стало началом развития когнитивной науки, в основе которой лежит предположение о том, что «человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи - осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума». [Арутюнова, 1990, с. 5]

Наряду с такими когнитивными способностями, как память, внимание, мышление, когнитивная лингвистика выделяет язык, как средство познания мира. Такие явления, как полисемия, когнитивные модели и метафора представляют особый интерес для когнитивных лингвистов. Особенно выделяется метафора, именно она считается основной ментальной операцией, способом познания, категоризации, оценки и объяснения мира. Среди исследователей и писателей, разделяющих мнение о метафоричности мышления следует назвать таких, как Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие. [Будаев, 2007, с. 16]

Метафорическое переосмысление тесно связано с долговременной памятью. В ходе этого когнитивного процесса человек находит два референта, зачастую логически несовместимых, и намеренно устанавливает между ними связь, создавая метафору. Данная связь основана на ряде общих для двух референтов признаков.

Лексическое значение слова не является однородным. С точки зрения когнитивного аспекта в лексическом значении слова выделяются интенционал (все семантические признаки, которыми обладает денотат, чтобы входить в какой-то класс) и импликационал (семантические признаки, образованные из интенционала). Именно последние вовлекаются в перестройку семантики слова во время метафорического переноса. Часть этих признаков составляет основу дифференциальной части производного метафорического значения [Никитин, 2001, с. 36].

Знания человека, которые реализуются во фреймах и сценариях, сосредоточивают в себе весь опыт взаимодействия человека с окружающим миром, с объектами и людьми. Главная идея когнитивной теории метафоры заключается в том, что процесс обработки этих структур знаний, т. н. фреймов (согласно В.З. Демьянкову, фрейм - "это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм организует наше понимание мира в целом. Фрейм - структура данных для представления стереотипной ситуации" [Кубрякова и др., 1996, с. 188]) составляет суть метафоризации, состоящей из двух структур знаний – когнитивной структуры источника, также известной как *source domain*, и структуры цели (*target domain*). В ходе метафоризации происходит так называемая метафорическая проекция, в ходе которой происходит структурирование области цели по образцу области источника. Следы когнитивного отображения можно увидеть в семантике предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, в метафоре

народ/общество – стадо, где *народ* – это сфера-цель, а *стадо* – сфера-источник, мы акцентируем внимание на «несамостоятельность», которая составляет неотъемлемую часть когнитивной структуры (фрейма) «стада». Наш опыт и уже имеющиеся знания о мире подсказывают нам, что стадо животных управляется пастухом.

«Высвечивание отдельных свойств источника в области цели, возникающее в процессе метафорической проекции и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий называется профилированием» [Лакофф, 1990]

В рамках когнитивной лингвистики метафора осмысливается как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Это ментальная операция определяющая наше познание, категоризацию, оценку и объяснение мира. Выражаясь простым языком, метафора позволяет нам подобрать знакомый образ для осознания и осмысления неизвестного.

Область источника и область цели неэквивалентны. Область источник является конкретным знанием, полученным в результате взаимодействия человека с миром. Область цели – это что-то менее ясное и конкретное, более абстрактное. Данный тезис был использован и в книге «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой он приобрел название «тезис об однонаправленности метафорической проекции». Данная теория была подвержена критике, поскольку существуют метафоры, которые сложно назвать однонаправленными. Например, в когнитивной модели *политик – член семьи* зачастую сфера источник и сфера цель одинаково неконкретны (*дедушка Ленин, отец народов Сталин или Горбачев – дитя партийного аппарата*).

Тем не менее, стоит признать, что большинство метафор однонаправлены. Тезис об однонаправленности отражает одну из главных функций метафоры – функцию получения новых знаний.

В результате фиксирования в языковой и культурной традиции общества соответствий между сферой источником и сферой целью появились так называемые «концептуальные метафоры». К числу таковых можно отнести такие метафорические проекции, как *время – деньги, спор – война, жизнь – путешествие*.

Особое место в становлении когнитивной теории отводится Дж. Лакоффу и М. Джонсону. Опровергая ряд основных утверждений о метафоре (Самое распространенное употребление метафоры — в поэзии; метафоры — только языковые выражения; и др.) Дж. Лакофф и М. Джонсон систематизировали знания о когнитивном механизме метафоры. [Лакофф, 1990, с. 390]

«Метафоры, которыми мы живем» стала популярной не только среди лингвистов, но и среди представителей других дисциплин, она стала эталоном когнитивного подхода к метафоре. Будучи изданной на пике интереса к метафоре, она не затерялась среди изобилия работ ей посвященных. Авторы данной работы выдвигают идею о том, что метафора — отнюдь не поэтическое средство, она нечто большее. Пронизывая нашу жизнь, она влияет не только на наш язык, но также на наше мышление и действия. Поэтому ошибочно полагать, что мы можем вполне обойтись без метафор. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, понятия, которые управляют нашим мышлением, регулируют нашу повседневную деятельность, поведение. При этом мы не всегда это осознаем. Подобные выводы были сделаны на основе чисто лингвистических данных. Например, анализируя метафорический концепт *argument is war* 'спор — это война' и соответствующие ему выражения, авторы выявили, что, ведя спор, люди мыслят о нем в терминах боевого сражения. Мы атакуем противника, защищаем свою точку зрения, меняем тактику, отступаем, побеждаем или проигрываем. Представляя культуру, в которой спор ассоциируется не с войной, а с танцем, мы представляем другую технику ведения этого спора.

Конечной целью спора будет не победа, а его гармоничное исполнение. Это будет уже не тот спор, каким мы его понимаем, а нечто другое. В реальном же мире спор воспринимается нами как война. Эта метафора, это представление упорядочивает наши действия. Разумеется, спор и война – это явления разного порядка, а значит и действия выполняются разного порядка. Тем не менее, частично спор понимается как война, а значит «понятие упорядочивается метафорически, соответствующая деятельность упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык также упорядочивается метафорически». [Лакофф, 1990, с. 388] Но мы едва ли осознаем эту метафору, она принадлежит к разряду тех метафор, которыми мы «живем». Так, авторы пришли к выводу, что наше мышление метафорично, а наша понятийная система определяется метафорически. Подобные метафоры, укорененные в языковой и культурной традиции общества, называются концептуальными.

Э. Будаев также отмечает, что «положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентации человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [Будаев, 2007, с.19]

Американские исследователи выделяют два вида концептуальных метафор: ориентационные и онтологические. К этой классификации мы добавим явление, названное М. Редди метафорой канала связи (*conduit metaphor*) [Reddy, 1979, с. 284–310].

В ориентационных метафорах пространство является ключом для обозначения иного, непосредственного опыта (*Happy is up, sad is down*). Основываясь на лингвистическом материале, Лакофф и Джонсон сделали выводы, что большая часть всех фундаментальных понятий организуется

одной или несколькими ориентационными метафорами, они систематизированы и настолько фундаментальны, что нам невероятно сложно было бы представить на их месте другие метафоры.

В онтологических метафорах мы применяем термины одного понятия для упорядочивания другого. «Подобно тому, как данные человеческого опыта по пространственной ориентации порождают ориентационные метафоры, данные нашего опыта, связанные с физическими объектами, составляют основу для колоссального разнообразия онтологических метафор, то есть способов трактовки событий, действий, эмоций, идей и т.п. как предметов и веществ» [Лакофф, 2004, с.250]

Суть **метафоры канала связи** состоит в том, что говорящий помещает идеи (объекты) в слова (вместилища) и отправляет их (через канал связи — conduit) слушающему, который извлекает идеи (объекты) из слов (вместилищ).

Руководствуясь составной метафорой, предложенной М. Редди,

ИДЕИ (ИЛИ ЗНАЧЕНИЯ) СУТЬ ОБЪЕКТЫ.

ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ ВМЕСТИЛИЩА.

КОММУНИКАЦИЯ ЕСТЬ ПЕРЕДАЧА (ОТПРАВЛЕНИЕ).

можно сделать вывод, что значения существуют независимо от людей и от контекстов употребления, а слова и фразы обладают значением сами по себе — вне зависимости от контекста или от говорящего. Примером образной схемы **ИДЕИ – ЭТО ОБЪЕКТЫ** послужили следующие выражения:

It's hard to get an idea across to him. Ему трудно втолковать (любую) мысль.

I gave you that idea. Я подал вам эту мысль.

Суммируя все сказанное по когнитивному подходу к метафоре, следует сделать вывод, что метафора – не просто языковое средство, это одна из форм мышления. Из этого следует вывод, что наше мышление метафорично,

а наша понятийная система определяется метафорически. Многие метафоры настолько укоренены в сознании человека, что некоторые из них даже не воспринимаются как метафоры. Также, еще одним постулатом, который выдвинула когнитивная лингвистика, является то, что человек реагирует не на реальность, а на когнитивную репрезентацию реальности. Таким образом, наше поведение обусловлено не реальностью, а нашим представлением о ней. А так как наше представление основано на метафорическом мышлении, то и действия наши зависят от него. Таким образом, мы делаем вывод, что метафорическое мышление - это основа наших действий. Именно этот постулат и стал ключевым для возникновения к концептуальной метафоре интереса у представителей политической лингвистики. В политической лингвистике интерес проявляется к двум типам взаимосвязи метафоры и сознания человека. Корпусные исследования метафор политического текста выявляют «коллективное бессознательное». Другие исследования концентрируются на прагматическом потенциале метафоры, а именно на ее способности концептуализировать картину мира.

1.9 Метафорическая модель в когнитивном подходе и в теории регулярной многозначности

Метафорическая модель (термин Баранова и Караулова, 1991), суть которой сводится к образному представлению денотативной понятийной области через лексику, первичное значение которой относится к другой понятийной области, имеет несколько устоявшихся терминов, которые принадлежат тому или иному лингвистическому направлению и имеют под собой разные теоретические подоплеки. Самые известные из них - «концептуальная метафора» (Лакофф и Джонсон), «модель регулярной многозначности» [Апресян, 1971], «метафорический архетип» (Панченко, Смирнов, Юнг) и др. [Панченко, Смирнов, 1971], [Юнг, 1991].

Огромную роль в теории метафорического моделирования действительности сыграли два направления: теория регулярной

многозначности, которая разрабатывалась отечественными лингвистами, такими как Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, Н.В. Багичева, Л.В. Балашова, Л.А. Новиков, А.П. Чудинов и др, в рамках структурно-семантического описания языка и теория концептуальной метафоры, возникшая в рамках направления когнитивной лингвистики и разрабатываемая Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и др. О второй теории мы уже говорили, теперь несколько слов об отечественной.

Теория регулярной многозначности истоками уходит к «архетипам» в сфере коллективного бессознательного К.Г. Юнга. На нее также повлияли и другие направления, о которых можно узнать из монографии А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры».

Термин «модель» в теории регулярной многозначности был впервые использован в 1964 году Д.Н. Шмелевым, который говорил о некой семантической модели, на которую опираются метонимические замены. [Шмелев, 1964]. Затем, в 1971 и 1974 Ю.Д. Апресян пытается определить основные модели регулярной многозначности для существительных, глаголов и прилагательных в русском языке и определить их продуктивность. В будущем предлагаются новые модели, которые классифицируются и описываются. Согласно структурно-семантическому подходу, лексическое значение слова представляется полем, разложенное на несколько сем. Главная задача - определить число сем, образующих значение, и выявить их взаимосвязи. Многозначные слова состоят из нескольких значений или лексико-семантических вариантов. Основное значение слова в словаре идет первым, оно же наиболее частотное в употреблении. Остальные значения - вторичные. Анализируя многозначное слово, приверженцы данного направления анализируют семный состав отдельных значений этого слова. Модель многозначности - это типовое соотношение, происходящее в сознании человека, семантики первичного и

вторичных значений, которые порождают новые вторичные значения [Чудинов, 2003].

В когнитивном подходе подсчет сем не ведется и считается ненужным. Значения слова представляются ими полем, в котором есть центр и периферия, яркие и слабые признаки. Взаимодействие человека с миром формирует концептуализацию этого мира, которая определяет общую понятийную систему человека. Значения слов являются частью этой понятийной системы. В когнитивном подходе основное внимание уделяется метафорам, которые помогают пониманию организации нашего мышления. Метафоры, согласно специалистам когнитивного направления, также являются частью нашей понятийной системы, это схемы, согласно которым мы думаем и поступаем. В последнее время, метонимические модели также становятся основой анализа в данном направлении.

В описании метафорических моделей мы будем опираться на когнитивную теорию. В когнитивной теории при анализе метафорических моделей исключаются любые ограничения. Так, анализируемые элементы могут относиться к разным частям речи и разным уровням языка, это могут быть лексические единицы, а могут быть и фразеологизмы и даже пословицы и поговорки. Кроме того, в анализе задействованы и другие тропы: ирония, гиперболы, градация и т.д.

При анализе метафорических моделей в нашей работе мы будем руководствоваться схемой, предложенной А.П. Чудиновым в его монографии [Чудинов, 2003]. Для начала, нам следует определить сферу-источник (источник метафорической экспансии) и сферу-мишень (направление метафорической экспансии). Затем, необходимо выявить типовые сценарии модели, исходя из сферы-источника и знаний о ней. Далее определяются фреймы, структурирующие понятийную область и слоты, которые составляют каждый фрейм. Слоты конкретизируют фреймы. А.П. Чудинов очень наглядно сравнил метафорическую модель с кинолентой, где фреймы - это кадры, а слоты - это части кадров. При характеристике слотов и фреймов

может использоваться термин «концепт». Это единица сознания, по словам Е.С. Кубряковой, концепты «отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира» [Кубрякова и др, 1996, с. 90]. Совокупность всех возможных концептов - концептосфера. Концепты погружены в домены, которые представляют собой фоновые знания о концепте.

Заключительным этапом анализа является нахождение компонента, который связывает первичные и вторичные значения единиц модели, то есть выявить, какие качества сферы-источника поспособствовали метафорической проекции.

В когнитивном подходе, в отличие от структурной лингвистики, не ставится задача выработать строгую методику выделения и дифференциации фреймов и слотов в составе модели. В конечном итоге выделение общих закономерностей значительно важнее, чем описание отдельных деталей. Поэтому и мы в данном анализе будем выделять отдельные фреймы и слоты только в том случае, в котором дифференциация является важной. В противном случае, распределение метафорических моделей будет осуществляться по уже известным субсферам и понятийным сферам.

А.П. Чудинов выделяет следующие функции политической метафоры, анализируя отечественный политический дискурс [Чудинов, 2003]:

1. Когнитивная функция, пожалуй, самая главная функция обработки и переработки информации.
2. Номинативная функция. Довольно очевидная, однако, ее стоит упомянуть. Метафора фиксирует и называет знание, особенно если у него нет общепринятого названия или если оно, по какой-то причине, не устраивает автора.
3. Гипотетическая функция. Метафора иногда помогает представить то, что еще не совсем понято и осознано.
4. Эвфемистическая функция. С помощью метафоры автор может заменить непосредственную номинацию на менее провокационную.

5. Коммуникативная функция показывает потенциал метафоры представлять полученную информацию в краткой и понятной форме.

6. Инструментальная функция. Метафора является важным элементом в формировании мнения субъекта.

7. Прагматическая функция. Метафора влияет на эмоциональное состояние адресата и на его восприятие сказанного.

8. Моделирующая функция метафоры говорит о том, что она способна создать модель мира, показать взаимосвязь его элементов.

9. Популяризаторская функция. Метафора предоставляет сложную идею в простой оболочке.

10. Изобразительная функция. Метафора делает сообщение более ярким и образным.

Как можно было заметить, многие функции очень похожи между собой, некоторые из них можно объединить. А.П. Чудинов отмечает, что все они взаимосвязаны друг с другом и могут представлять собой разновидности когнитивной функции, которую он считает самой главной функцией метафоры.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА П.Н. ГРУДИНИНА И ЧЛЕНОВ КПРФ

2.1 Концептуальная метафора в дискурсе П.Н. Грудинина и членов КПРФ

18 марта 2018 года состоялись выборы Президента Российской Федерации. В политической гонке участвовало восемь кандидатов: Владимир Путин, Павел Грудинин, Владимир Жириновский, Ксения Собчак, Григорий Явлинский, Борис Титов, Максим Сурайкин и Сергей Бабурин. Особенный резонанс в российском обществе вызвали два кандидата - Павел Николаевич Грудинин и Ксения Анатольевна Собчак. Дискурсу одного из этих

кандидатов, а также других членов КПРФ посвящена практическая часть нашей работы. Данное исследование исключает любые субъективные суждения автора.

Павел Николаевич Грудинин - директор «Совхоза им. Ленина», бывший депутат Московской областной думы, бывший член партии «Единая Россия», из которой он вышел в 2010 году, пробыв ее членом в течение трех лет - официально был зарегистрирован ЦИК в качестве кандидата в президенты 12 января 2018 года, тем самым заменив лидера партии КПРФ Геннадия Зюганова. П.Н. Грудинин был выдвинут в рамках волеизъявления о выдвижении единого кандидата от левых сил. Геннадий Зюганов лично предложил кандидатуру Павла Грудинина и, в результате, возглавил его предвыборный штаб. На президентских выборах Павел Грудинин выступал с программой «20 шагов». В результате выборов П.Н. Грудинин занял второе место, набрав 11,77 % голосов.

Материалом для нашей работы послужили записи выступлений П.Н. Грудинина, а именно его выступление перед избирателями в Ростове-на-Дону. Мы сочли, что анализироваться будет не только непосредственно речь Павла Николаевича, но и речь каждого выступающего на трибуне, поскольку каждое выступление было частью агитационной программы. Это выступления Рохлиной Елены Львовны, члена штаба Русского Национального Фронта, участницы ПДС НПСР, выступление члена Бюро Ростовского обкома КПРФ Г.П. Фоменко, выступление секретаря Волгоградского обкома КПРФ А.П. Беляевского, выступление члена Бюро Ростовского обкома КПРФ А.С. Криворотова, выступление секретаря Калмыцкого рескома КПРФ от Калмыцких коммунистов Л.И. Балаклеец и выступление атамана Попова от Ставропольского казачества.

Также материалом исследования послужили интервью П.Н. Грудинина в программе «Мнение» на канале Россия 24 от 25.12.2017, интервью с журналистом и видеоблогером Ю. Дудем от 06.02.2018, выпуск «Время покажет» с П.Н. Грудининым от 25.12.2017 и пресс-конференция

информационного агентства России ТАСС, в которой мы анализировали речь П.Н. Грудина, председателя ЦК КПРФ Геннадия Зюганова и представителя постоянно действующего совещания НПСР Ю.Ю. Болдырева.

Для начала представим вашему вниманию полную таблицу данных, полученных в ходе анализа предвыборного дискурса членов КПРФ. В таблице отражены непосредственно цитаты говорящих, где выделены концептуальные метафоры. Мы подробно разобрали все найденные концептуальные метафоры и указали метафорические модели, лежащие в их основе, а также указали субсферу, понятийную сферу, фрейм и слот, к которым каждая метафора относится.

Далее мы проанализировали понятийные сферы найденных концептуальных метафор и попытались объяснить их прагматический смысл. После этого мы перешли к стратегиям и тактикам политического дискурса П.Н. Грудина и его команды и объяснили роль концептуальных метафор в достижении коммуникативных целей.

Цитата	Метафорическая модель	Субсфера	Понятийная сфера	Фрейм	Слот
«Приоритетом станет благополучие широких народных масс, а не кучки олигархов , интересы простого человека, а не рвачество «жирных котов» (Предвыборная программа)	ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ	Природа	Зооморфная метафора	Состав царства животных	Собственно животные
«Откажемся от участия в ВТО , ведь за 4 года пребывания в этом экономическом карцере мы получили более триллиона рублей прямых убытков и 5 триллионов - косвенных». (Предвыборная программа)	ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ - ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО	Социум	Криминальная метафора	Места лишения свободы и их обитатели	Места лишения свободы
«Мы ограничим аппетиты естественных монополий , прекратим спекулятивный рост цен на жизненно необходимые товары и услуги» (Предвыборная программа)	ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это ЧЕЛОВЕК	Человек	Антропоморфная метафора	Физиологические действия	Питание, пищеварение и смежные процессы

<p>«Будет ликвидирован налог на добавленную стоимость, удушающий нашу промышленность» (Предвыборная программа)</p>	<p>ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физические действия</p>	<p>-</p>
<p>«...наша многострадальная Родина очень часто в перепутье страдала от лихих людей» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону)</p>	<p>РОДИНА – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Органы психики</p>	<p>Нервная система, нервы</p>
<p>«...а вы знаете, от чего загорелась Останкинская телебашня? От того стыда и позора, что она вещает. Поэтому, если сейчас не прекратите, история останкинского вещания закончится печально» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Л.И. Балаклеец)</p>	<p>АРХИТЕКТУРНОЕ СООРУЖЕНИЕ – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Органы психики</p>	<p>Нервная система, нервы</p>

<p>«... на них потратило государство полтора триллиона рублей в кризис (...) они не спасали промышленность, они не спасали сельское хозяйство, они не дают денег нашим ветеранам, детям, они спасают банки, которые разворовывают нашу страну» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, П.Н. Грудинин)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физические действия</p>	
<p>«... страна парализована, то, что сейчас происходит - это загнивание элит» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Е.Л. Рохлина)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Диагноз</p>	<p>Физические болезни</p>
<p>«... мобилизоваться защищать на передовой страну» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону)</p>	<p>ВЫБОРЫ – это ВОЙНА</p>	<p>Социум</p>	<p>Милитарная метафора</p>	<p>Начало войны и ее итоги</p>	<p>Мобилизация и демобилизация</p>
<p>«... если сравнить тех людей, которые окопались в Кремле, с Павлом Николаевичем, то все, что умеют делать эти люди, - грабить нас и разрушать нашу страну». (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Е.Л. Рохлина)</p>	<p>ВЫБОРЫ – это ВОЙНА</p>	<p>Социум</p>	<p>Милитарная метафора</p>	<p>Военные действия и вооружение</p>	<p>Военные действия</p>

«...если мы все придем на выборы и проголосуем, как нам велит сердце, - мы победим » (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, П.Н. Грудинин)	ВЫБОРЫ – это ВОЙНА	Социум	Милитарная метафора	Начало войны и ее итоги	Итоги войны
«...наше дело правое, победа будет за нами» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, П.Н. Грудинин)	ВЫБОРЫ – это ВОЙНА	Социум	Милитарная метафора	Начало войны и ее итоги	Итоги войны
«...мы должны бить в одну точку и достичь главной цели» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Г.П. Фоменко)	ВЫБОРЫ – это ВОЙНА	Социум	Милитарная метафора	Военные действия и вооружение	Военные действия
«...главная просьба, для того, чтобы у нас была победа , чтобы убедить наших врагов окончательно в их позоре и трусости, нужно говорить: «Мы голосуем за нашего нового президента». (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, А.С. Криворотов)	ВЫБОРЫ – это ВОЙНА	Социум	Милитарная метафора	Начало войны и ее итоги	Итоги войны
«За Павла Николаевича, за нашу победу » (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, А.С. Криворотов)	ВЫБОРЫ – это ВОЙНА	Социум	Милитарная метафора	Начало войны и ее итоги	Итоги войны

<p>«...мы точно знаем, что мы правы, и мы должны прийти и победить на этих выборах» <i>(Пресс-конференция Ростов-на-Дону, П.Н. Грудинин)</i></p>	<p>ВЫБОРЫ – это ВОЙНА</p>	<p>Социум</p>	<p>Милитарная метафора</p>	<p>Начало войны и ее итоги</p>	<p>Итоги войны</p>
<p>«Неважно, какой будет результат, потому что мы уже победили. Потому что мы разбудили людей, люди сегодня думают не так, как вчера. И в таком случае, по-любому, победа будет за нами.» <i>(Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Л.И. Балаклеец)</i></p>	<p>ВЫБОРЫ – это ВОЙНА</p>	<p>Социум</p>	<p>Милитарная метафора</p>	<p>Начало войны и ее итоги</p>	<p>Итоги войны</p>
<p>«...предприятиям нужно дать возможность развиваться, нужно не поставить в зависимость от кредитов банков, которые убивают нашу экономику...» <i>(Пресс-конференция Ростов-на-Дону, П.Н. Грудинин)</i></p>	<p>ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физическое действие</p>	<p>-</p>
<p>«...болтуны, что показывают по телевизору всякие цифры, мы с ними не соревнуемся» <i>(Пресс-конференция Ростов-на-Дону)</i></p>	<p>ВЫБОРЫ – это СПОРТ</p>	<p>Социум</p>	<p>Спортивная метафора</p>	<p>Виды спорта</p>	<p>Соревнование</p>

<p>«... если сравнить тех людей, которые окопались в Кремле, с Павлом Николаевичем, то все, что умеют делать эти люди, - грабить нас и разрушать нашу страну» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Е.Л. Рохлина)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ДОМ</p>	<p>Артефакты</p>	<p>Метафора дома</p>	<p>Строительство, ремонт и разрушение дома</p>	<p>Разрушение дома</p>
<p>«... чтобы государство работало не в интересах меньшинства этих [олигархов] паразитов, а чтобы государство работало в интересах каждого из нас» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Е.Л. Рохлина)</p>	<p>ЧЕЛОВЕК – это ПАРАЗИТ</p>	<p>Природа</p>	<p>Зооморфная метафора</p>	<p>Состав царства животных</p>	<p>Низшие животные</p>
<p>«... понимаете, какой огромный контраст мы все представляем по сравнению с Единой Россией, которая поддерживает [олигархов] паразитов» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Е.Л. Рохлина)</p>	<p>ЧЕЛОВЕК – это ПАРАЗИТ</p>	<p>Природа</p>	<p>Зооморфная метафора</p>	<p>Состав царства животных</p>	<p>Низшие животные</p>
<p>«... государство должно служить людям, а на самом деле оно угнетает» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, П.Н. Грудинин)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физические действия</p>	<p>-</p>

<p>«...есть разные кандидаты. У некоторых, не будем называть фамилии, корень, если разложить по составу слово, от «пут». У нас в степной Калмыкии, да у вас, у казаков, и кубанцев, и у ростовчан, «путы» - это когда спутывают лошадь (...) Вот так и Россию спугали, и нам бы эти путы убрать» (Пресс-конференция Ростов-на-Дону, Л.И. Балаклеец)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ЖИВОТНОЕ</p>	<p>Природа</p>	<p>Зооморфная метафора</p>	<p>Состав царства животных</p>	<p>Собственно животные</p>
<p>«...мы кормили пол страны, ну пол мира, это называлось Социалистический лагерь» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>?</p>	
<p>«Но если они все деньги, а это народные деньги, вернут в бюджет, у нас появятся деньги для того, чтобы что? Ослабить налоговое бремя на все предприятия. Тогда предприятия задышат» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физиологические действия</p>	<p>Дыхание</p>
<p>«Когда-то Клинтон сказал, что у Америки нет друзей, у Америки есть интересы. Это относится и к нашей стране» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Метафора дружбы</p>	<p>-</p>

<p>«...и в результате страна, помните это был 98 год, дефолт, разруха, за год или полтора совершенно изменилась. Производить стало выгодно, задышали трудовые коллективы, заводы заработали.» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>КОЛЛЕКТИВ – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физиологическое действие</p>	<p>Дыхание</p>
<p>«Это не борьба какого-то одного человека с другим, это борьба идеологий, борьба политических партий» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ВЫБОРЫ – это СПОРТ</p>	<p>Социум</p>	<p>Спортивная метафора</p>	<p>Виды спорта</p>	<p>Борьба</p>
<p>«США в этом году вышли на мировые темпы развития, ослабили налоговый пресс и сейчас все делают для того, чтобы раскулачить богатых людей...» (Г.А. Зюганов)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это МЕХАНИЗМ</p>	<p>Артефакты</p>	<p>Метафора механизма</p>	<p>Государство – мощный и безжалостный механизм</p>	<p>-</p>
<p>«Господин Сурайкин, если бы он был левый, мог бы сюда попасть [коалиция левых сил]. Но он вместо этого выполняет поручение администрации, выполняет роль шестерки.» (Г.А. Зюганов)</p>	<p>ГОСУДАРСТВО – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО</p>	<p>Социум</p>	<p>Криминальная метафора</p>	<p>Преступные сообщества и их структура</p>	<p>Иерархические отношения в преступных сообществах</p>

<p>«У меня просьба такая, вы передайте своим, ну я понимаю, что бывают продажные журналисты, бывают люди, у которых нет ни чести ни совести. Но вы передадите своим этим сутенерам [главный редактор Life] и тем, кто им платит, что это борьба идей, это борьба людей, но это борьба, не нужно, чтобы женщины и дети страдали.» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>СМИ – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО</p>	<p>Социум</p>	<p>Криминальная метафора</p>	<p>Преступники и их специализация</p>	<p>-</p>
<p>«...избирательная кампания не должна быть грязной. Мы же боремся не между собой, а мы боремся за судьбу нашей страны» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ВЫБОРЫ – это СПОРТ</p>	<p>Социум</p>	<p>Спортивная метафора</p>	<p>Виды спорта</p>	<p>Борьба</p>
<p>«Эта идеология победила и в Норвегии, и в Финляндии, и в Швеции, и в Китае. Вот эти социалистические принципы «свобода, равенство, братство», они во многих странах привели к тому, что общество, народ живет очень благополучно.» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ПОЛИТИКА – это ВОЙНА</p>	<p>Социум</p>	<p>Милитарная метафора</p>	<p>Начало войны и её итоги</p>	<p>Начало и завершение военных действий</p>

<p>«Но если у тебя украли победу, например, фальсифицировав выборы, благодаря тому, что такие как вы не пришли на выборы» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ВЫБОРЫ – это ИГРА</p>	<p>Социум</p>	<p>Игровая метафора</p>	<p>Правила игры и наказание</p>	<p>Нарушения правил</p>
<p>«Если вы, ну и мы все вместе, в ближайшее время не предпримем каких-то усилий, чтобы эти деньги вернулись в страну и работали на нашу страну...» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ДЕНЬГИ – это ЧЕЛОВЕК</p>	<p>Человек</p>	<p>Антропоморфная метафора</p>	<p>Физическое действие</p>	<p>-</p>
<p>«У меня просьба такая, вы передайте своим, ну я понимаю, что бывают продажные журналисты, бывают люди, у которых нет ни чести, ни совести. Но вы передайте своим этим сутенерам и тем, кто им платит, что это борьба идей, это борьба людей, но это борьба, не нужно, чтобы женщины и дети страдали» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ПОЛИТИКА – это СПОРТ</p>	<p>Социум</p>	<p>Спортивная метафора</p>	<p>Виды спорта</p>	<p>Борьба</p>
<p>«Это не борьба между людьми, это борьба идей и поиск лучшей жизни в нашей стране» (П.Н. Грудинин)</p>	<p>ПОЛИТИКА – это СПОРТ</p>	<p>Социум</p>	<p>Спортивная метафора</p>	<p>Виды спорта</p>	<p>Борьба</p>

Антропоморфная метафора

Антропоморфная метафора - это метафора со сферой-источником ЧЕЛОВЕК. Она основана на антропоцентричном представлении человека о мире. Как правило, человек концептуализирует политическую действительность по подобию своего соотечественника, современника, соответственно россияне концептуализируют российскую политическую действительность так же, создавая образ, который имеет национальные черты [Чудинов, 2003].

В нашей работе Антропоморфная метафора наиболее частотна - 38% (Все данные, фигурирующие в этой главе, представлены в Приложении А в виде диаграммы). Рассмотрим фреймы, которые мы выделили в данной понятийной сфере.

«Физиологические действия» (Слот 1. Питание, пищеварение и смежные процессы: «Мы ограничим **аппетиты** естественных **монополий**, прекратим спекулятивный рост цен на жизненно необходимые товары и услуги»; Слот 2. Дыхание: «Но если они все деньги, а это народные деньги, вернут в бюджет, у нас появятся деньги для того, чтобы что? Ослабить налоговое бремя на все предприятия. Тогда **предприятия задышат**»)

Основными прототипическими функциями органов пищеварения выделяют *«уничтожение, присвоение, освобождение от ненужного»* [Чудинов, 2003]. Так, например, в нашем случае в концептуальной метафоре «аппетиты естественных монополий» реализуется прототипическая функция присвоения.

Основной прототипической функцией органов дыхания является *обеспечение кислородом, то есть жизненно необходимым*. В примере нашей работы концептуальная метафора «предприятия задышат» подчеркивает негативный и разрушающий эффект налогового бремени для предприятий.

«Физические действия» (удушающий налог; кредиты банков убивают нашу экономику; государство должно служить, а оно угнетает; чтобы деньги вернулись в страну и работали на нашу страну).

Перенос политических реалий в антропоморфную плоскость упрощает их восприятие. Главный прагматический потенциал данных метафор - возможность донести более сложную информацию простыми и близкими нашему пониманию формулировками. Словоупотребления *налоги душат предприятия, банки убивают экономику* вызывают эмоциональный отклик у избирателей. Цель членов КПРФ в данном случае - не объяснить сложные финансовые, экономические, политические и др. процессы, а показать то, как они влияют на нашу жизнь.

«Органы психики» (Слот 1. Нервная система и нервы: «...наша многострадальная **Родина** очень часто в перепутье **страдала** от лихих людей»)

Основные прототипические функции: *«поддержание эмоционального благополучия и сигнализация о его нарушении»* [Чудинов, 2003]. Страдание, чувство стыда и позора свидетельствуют о нарушении порядка, нарушении эмоционального благополучия. С помощью концептуальной метафоры говорящий подчеркивает, что в стране были и есть проблемы и виновны в них те, кто стоял у власти.

«Диагноз» (Слот 1. Физические болезни: «...страна **парализована**, то, что сейчас происходит - это загнивание элит»)

Приписывание государству и его составляющим болезней также свидетельствует о глубоких проблемах в этой стране. В данном случае отсутствие положительных изменений и движения к лучшему, отсутствие реформ, благотворно влияющих на жизнь граждан, по мнению Е.Л. Рохлиной, привели к застою в стране.

«Метафора дружбы» («Когда-то Клинтон сказал, что у **Америки нет друзей**, у Америки есть интересы. Это относится и к нашей стране»)

Метафора дружбы в политическом дискурсе представляет государства, как общество, в котором есть друзья, знакомые, товарищи и недруги. С одними государствами отношения сугубо деловые, с другими поддерживаются более дружественные связи. Между людьми в обществе возникают недопонимания и противоречия, друзья ссорятся и становятся

врагами. Эта сфера-источник помогает концептуализировать политическую реальность, где взаимоотношения между странами строятся по схожим законам. Концептуальная метафора, лежащая в основе фразы «Когда-то Клинтон сказал, что у Америки нет друзей, у Америки есть интересы. Это относится и к нашей стране» подчеркивает сугубо деловые интересы как Америки, так и России в мировой политике. Она помогает избирателям концептуализировать политическую арену как общество, то есть как что-то, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни, а значит, делает ее ближе пониманию.

Прагматический смысл антропоморфной метафоры.

Метафорическая модель ГОСУДАРСТВО - ЧЕЛОВЕК является самой продуктивной метафорой в нашем исследовании. Это объясняется тем, что сфера-источник очень близка нашему сознанию, она нам понятна. Антропоморфная метафора обладает эмотивным характером, особенно морбиальная метафора, то есть метафора, чья сфера-источник - БОЛЕЗНЬ. Эмотивный характер метафоры предполагает ее способность вызвать эмоции у реципиента. Это свойство метафоры используется в агитационных целях. Словоупотребление *Российское государство - больной организм* вызывает сочувствие к стране и желание ей помочь. Политики, использующие такую метафору, подчеркивают, что к этому привели действия их оппонентов, и только новый руководитель сможет излечить страну. В нашем исследовании антропоморфная метафора используется, в основном, с негативной окраской: Россия страдала, она парализована, налоги душат, а государство спасает банки. Отрицательный и агрессивный вектор данной метафоры, очернение ситуации в стране и обличение виновных являются частью стратегии политического дискурса на понижение, о которой мы будем говорить чуть позже. Здесь стоит отметить, что стратегия на понижение основана на негативных высказываниях об оппоненте или какой-либо ситуации.

Антропоморфная метафора играет ключевую роль в данной стратегии членов КПРФ в президентской кампании 2018.

Милитарная метафора

Милитарная метафора - это метафора, сферой-источником которой является ВОЙНА. В политическом дискурсе базисной милитарной метафорой является метафора ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ - ВОЙНА. Так сложилось в ходе истории, что Россия часто была вовлечена в войны, и милитарная лексика стала продуктивным источником метафорической экспансии. Так как метафора помогает нам концептуализировать действительность, то милитарная метафора способствует созданию небезопасного образа политического поля в сознании людей. Можно сказать, что главной целью каждой стороны в войне является победа. Милитарная метафора исключает альтернативные варианты ведения политической дискуссии. В данном случае люди забывают, что «политическая война» происходит в мирное время, и главная цель - это поиск истины, а не разгром «врага».

В дискурсе П.Н. Грудинина и других членов КПРФ милитарная метафора стоит на втором месте по частотности (10,27 %). Рассмотрим фреймы, выделенные в этой понятийной сфере.

«Начало войны и ее итоги» (Слот 1. Мобилизация и демобилизация: «...мобилизоваться защищать на передовой страну»; Слот 2. Итоги войны: «...если мы все придем на выборы и проголосуем, как нам велит сердце, - мы победим»).

Фрейм «Начало войны и ее итоги», в частности слот 2 «Итоги войны» стали наиболее частотными в исследуемом дискурсе (6 из 10 милитарных метафор).

«Военные действия и вооружение» (Слот 1. Военные действия: «... если сравнить тех людей, которые окопались в Кремле, с Павлом Николаевичем, то все, что умеют делать эти люди, - грабить нас и разрушать нашу страну»; «...мы должны бить в одну точку и достичь главной цели»).

Данный фрейм включает в себя в основном те метафоры, что концептуализируют решительные политические действия, так как сами концепты боя и сражения требуют решительных действий.

Прагматический смысл военной метафоры.

Почему военная метафора пользуется популярностью у политиков? Ответ на этот вопрос можно найти в истории нашей страны, которая состоит из войн, переворотов и восстаний. Эти времена так или иначе оставили след в национальном сознании, а военная лексика стала продуктивным источником для метафорической экспансии. Национальное сознание сформировало мировосприятие народа, которое стало отражаться в метафорических образах.

А.П. Чудинов отмечает: «российская действительность - это война всех против всех, наши политики, бизнесмены и даже самые обычные люди ориентированы не на совместное решение возникающих проблем, а на агрессивную борьбу с себе подобными» [Чудинов, 2003]. Если даже в мирное время политики не стараются создать конструктивный диалог с депутатами других партий, а борются с ними, как с врагами, то во время предвыборных дебатов концептуализация выборов как войны кажется вполне логичным явлением. Выборы - это война, здесь никто не преследует цель договориться, единственная задача - это победа, именно поэтому военная метафора так распространена в речи П.Н. Грудина.

Возможно, также, военная мощь России и ее военные подвиги - это один из главных факторов гордости своего народа, как отмечает А.П. Чудинов, российскому человеку присуще «уважение к военной силе и боевой славе» [Чудинов, 2003]. Можно предположить, что политики, включая П.Н. Грудина используют это национальное чувство гордости.

Стоит отметить, что военная метафора не имеет четко выраженную негативную коннотацию, как, например, криминальная метафора. Победу

люди воспринимают как что-то безоговорочно положительное, не задумываясь о ее цене.

Спортивная метафора

Спортивная метафора - это метафора со сферой-источником СПОРТ. Спортивная метафора имеет общие черты с военной метафорой. Во-первых, и в спорте и в войне преследуется победа. Во-вторых, в спорте также есть две и более противоборствующие стороны. Спортивная метафора включает в себя и подгруппу метафор со сферой-источником «командные спортивные игры» и подгруппу метафор со сферой-источником «соревнования». В спорте есть и лидеры и проигравшие, игра может быть честной и «грязной», все это вместе составляет большой материал для метафорической экспансии.

Спортивная метафора стоит на третьем месте по частотности употребления в предвыборном дискурсе П.Н. Грудина (5,14 %).

Рассмотрим фреймы, которые мы выделили в данной понятийной сфере.

«**Виды спорта**» (Слот 1. Соревнование: «...болтуны, что показывают по телевизору всякие цифры, мы с ними не **соревнуемся**»; Слот 2. Борьба: «Это не **борьба** какого-то одного человека с другим, это **борьба** идеологий, **борьба** политических партий»; «...**избирательная кампания** не должна быть грязной. Мы же **боремся** не между собой, а мы боремся за судьбу нашей страны»).

Прагматический смысл спортивной метафоры.

Представление политической действительности, в нашем случае выборов, как спорта или состязания объяснимо. Спортивная метафора гуманнее военной, и этим, возможно, она ближе к политическому миру. Спорт подчиняется правилам, это и временные рамки, и разделение на команды, и наличие запрещенных приемов. В политике также есть правила, которые необходимо соблюдать. Схожесть этих двух сфер делает спорт идеальной сферой-источником для метафорической проекции.

Политики, использующие спортивную метафору, ссылаются на правила и их нарушения в спорте. Так, например, П.Н. Грудинин подчеркивает, что **«избирательная кампания не должна быть грязной»**, тем самым осуждая нарушения правил и создавая негативный образ **СВОИХ ОППОНЕНТОВ** («У меня просьба такая, вы передайте своим, ну я понимаю, что бывают продажные журналисты, бывают люди, у которых нет ни чести ни совести. Но вы передадите своим этим сутенерам [главный редактор Life] и тем, кто им платит, что это **борьба** идей, это **борьба** людей, но это **борьба**, не нужно, чтобы женщины и дети страдали»). Так в сознании избирателей создается положительный образ П.Н. Грудинина, как честного соперника, играющего по правилам. Честный спортсмен всегда вызывает доверие у зрителя, он заслуживает победы, а его поражение вызывает всеобщее негодование.

Затрагивая тему зрителей, стоит заметить еще одну особенность спортивной метафоры в предвыборной гонке - это изолирование электората. Создается образ, будто избиратели являются всего лишь наблюдателями за гонкой, но сами в ней они никак не участвуют. Так и в примерах в нашем исследовании словообразования *мы не соревнуемся с журналистами, борьба идеологий, борьба политических партий* создают ощущение отстраненности электората от происходящего, делают его лишь наблюдателем.

Игровая метафора

Игровая метафора мало чем отличается от спортивной. Она также предполагает две и более команды, соревновательный дух, азартность, а в итоге - победу или поражение. Однако, мы выделили ее в отдельную категорию, так как игре более присущи нарушения. Блеф зачастую считается полноправной частью игры, а человек, способный блефовать, считается не просто обманщиком, а искусным игроком, чей блеф оправдан. В исследуемом дискурсе мы нашли только одну игровую метафору: «Но, если у тебя **украли победу**, например, фальсифицировав выборы, благодаря тому, что такие как вы не пришли на выборы», которую отнесли к фрейму «Правила игры и наказание», Слоту «Нарушение правил». Стоит заметить, что данную

метафору можно было отнести и к группе спортивных метафор. Сам А.П. Чудинов говорил, что «в когнитивной лингвистике не существует сколько-нибудь последовательной классификации понятийных полей» [Чудинов, 2003], поэтому многие понятийные сферы пересекаются.

Зооморфная метафора

Базисной зооморфной метафорой в политическом дискурсе можно назвать **ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ - НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**. В зооморфные метафоры входят метафоры со сферой-источником животные, птицы, рыбы, а также низшие животные. При метафорической проекции в данном случае учитываются конкретные прототипические функции, послужившие основой для метафоры. Стоит отметить, что эти прототипические функции и свойства животных, зачастую, также обусловлены национальными представлениями о животных.

Зооморфные метафора в высказывании П.Н. Грудина и Е.Л. Рохлиной составляют 2,5 % от всех метафор. Мы выделили лишь один фрейм «Состав царства животных», слот «Низшие животные» («...чтобы государство работало не в интересах меньшинства **этих паразитов [олигархов]**, а чтобы государство работало в интересах каждого из нас») и «Собственно животные» «Приоритетом станет благополучие широких народных масс, а не кучки **олигархов**, интересы простого человека, а не рвачество **«жирных котов»**».

Прагматический смысл зооморфной метафоры.

Использование зооморфной метафоры в разных дискурсах берет истоки еще в фольклорных традициях, где очень ярко представлены функции животных, которые теперь считаются прототипическими для метафор. Зачастую, зооморфная метафора имеет негативную коннотацию, она направлена на дискредитацию. Так и в нашем примере, метафора использована для унижения олигархов. Эта функция метафоры делает ее важным элементом стратегии на понижение, а именно тактики обличения и обвинения. Для данной группы метафора характерен вектор тревожности и

агрессивности. Зооморфная метафора не выделяется разнообразием, потому что эмотивные смыслы, которые востребованы в политическом дискурсе, не так разнообразны.

Криминальная метафора

Базисная криминальная метафора - это ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ - ПРЕСТУПНЫЙ МИР. Криминальная метафора была очень распространена в советском политическом дискурсе. Так, в советских СМИ нередко противников правящей верхушки называли бандитами [Чудинов, 2003]. В современном политическом дискурсе криминальная метафора не перестает быть популярной, зачастую криминальный жаргон можно услышать и в речи политических деятелей, и в речи журналистов. К фреймам криминальной метафоры относятся фрейм «Преступники и преступные сообщества», «Быт преступников», «Жертвы», «Места лишения свободы» и др. [Чудинова, 2003]. Криминальная метафора всегда сопутствует негативной оценке действительности, она подчеркивает отсутствие порядка, свободы и безопасности.

Частотность криминальной метафоры в дискурсе членов КПРФ составляет 2,5 %, все криминальные метафоры сосредоточены в речи П.Н. Грудина и Г.А. Зюганова. Мы выделили следующие фреймы: **«Преступные сообщества и их структура»** (Слот 1. Иерархические отношения в преступных сообществах: «Господин Сурайкин, если бы он был левый, мог бы сюда попасть [коалиция левых сил]. Но он вместо этого выполняет поручение администрации, выполняет **роль шестерки**») И **«Преступники и их специализация»** («У меня просьба такая, вы передайте своим, ну я понимаю, что бывают продажные журналисты, бывают люди, у которых нет ни чести ни совести. Но вы передадите **своим** этим **сутенерам** [главный редактор Life] и тем, кто им платит, что это борьба идей, это борьба людей, но это борьба, не нужно, чтобы женщины и дети страдали»).

Прагматический смысл криминальной метафоры.

Данная группа метафора концептуализирует политическую действительность, как преступный мир, где есть преступное сообщество со

своей иерархией и своими законами. В первом примере преступным сообществом представляется официальная власть, которая играет роль главы банды, у которой есть шестерка. Во втором примере П.Н. Грудинин представляет СМИ преступным сообществом, где журналисты выполняют грязную работу. В данном случае сам кандидат предстает честным гражданином, не желающим становиться частью преступного сообщества, он противопоставляет себя им. Преступными представляются методы и инструменты оппонентов кандидата, который желает вести честную борьбу. Криминальная метафора является частью стратегии на понижение, имеющей цель очернить своего оппонента.

Дом

Метафора дома основана на важном концепте в сознании человека. Концептуализация реалий и общества как дома стала популярной еще со времен Маркса [Арутюнова, 1990, с. 14-15]. При концептуализации политической действительности как дома, человек очень наглядно показывает влияние тех или иных решений на будущее страны и жизнь в этой стране. Дом можно построить или разрушить, отремонтировать или, наоборот, запустить. Среди политических лидеров также выделяются те, кто строит новое государство на руинах старого (В. Ленин, Б. Ельцин) и те, кто продолжают строительство за своими предшественниками (Н. Хрущев, Л. Брежнев) [Чудинов, 2003]. В определенное время метафорическое представление дома свое. В 50-е - 70-е годы главным метафорическим образом было продолжение строительства дома, в начале 80-х - наведение порядка, а во второй половине того же десятилетия - перестройка дома [Чудинов, 2003]. Главная базисная метафора политического дискурса - ГОСУДАРСТВО - ДОМ.

В нашем исследовании в данной группе концептуальных метафор мы выделили фрейм **«Строительство, ремонт и разрушение дома»** (Слот 1. Разрушение дома: «... если сравнить тех людей, которые окопались в Кремле, с Павлом

Николаевичем, то все, что умеют делать эти люди, - грабить нас и **разрушать** нашу страну»).

Разрушение в первую очередь относится к какому-либо строению, ничто так больше не ассоциируется со страной, как дом. Использование концептуальной метафоры дома апеллирует к повседневному опыту человека, дом должен быть в безопасности, его нужно защищать. А тот, кто разрушает его и грабит автоматически становится врагом. Таким образом, Е.Л. Рохлина в данном случае называет официальную власть разрушителями, противопоставляя их П.Р. Груднину, настоящему строителю. Учитывая, что П.Н. Груднин является директором ЗАО «Совхоз имени Ленина», где он построил «островок социализма», как его называют СМИ, сторонники кандидата часто приводят в пример эти «строительские способности» Павла Николаевича.

Механизм

Базисной метафорой механизма является метафора ГОСУДАРСТВО - МЕХАНИЗМ. В. Клемперер, анализируя технические метафоры в публицистике фашистской Германии, пришел к выводу, что, используя подобные метафоры, человек перестает ценить личность и индивидуальность, подавляет свободомыслие [Клемперер, 1998, с. 202]. Действительно, если государство - это механизм, значит, люди, живущие в этом государстве - это всего лишь винтики в одной большой машине, один по себе человек ничего не значит, он имеет силу только будучи частью системы. Более того, при данной метафорической проекции заведомо исключаются чувства, механизм требует перезарядку и заправку, будучи в полном порядке он может быть отправлен « в бой», а как только он сломается и уже не будет пригодным, его необходимо утилизировать [Чудинов, 2003]. Но на его смену обязательно придет другой.

Метафора механизма стала самой нечастотной в рассматриваемом дискурсе - 1,3 %. Мы выделили фрейм «Государство – мощный и

безжалостный механизм»: «США в этом году вышли на мировые темпы развития, ослабили **налоговый пресс** и сейчас все делают для того, чтобы раскулачить богатых людей...». Возможно, метафора механизма не жалуется П.Н. Грудининым и его сторонниками, потому что она вызывает негативные эмоции, связанные с восприятием государства как большого и бездушного механизма, а людей - не больше, чем винтиком в огромной государственной машине. В современном обществе все больше культивируется ценность личности, индивидуальности каждого гражданина страны, который может что-то изменить. И несмотря на то, что у людей не искоренилась историческая память и прошлый опыт все еще влияет на умы, все же, скорее, он воспринимается как что-то, что уже давно в прошлом, и от чего нужно уходить.

2.2 Стратегии и тактики дискурса КПРФ в предвыборной кампании Президента РФ 2018 г.

В нашей работе мы также постарались рассмотреть, какими стратегиями пользуются члены Коммунистической Партии России и какими тактиками они достигают свои цели. Напомним, что в данной работе мы используем классификацию стратегий и тактик политического дискурса, предложенную О.Л. Михалёвой [Михалёва, 2009].

Проанализировав данные ранее представленной таблицы с использованными метафорами в дискурсе членов партии, мы пришли к следующим статистическим данным: члены КПРФ, включая кандидата в президенты П. Н. Грудинина, в ходе предвыборной кампании Президента 2018 г. использовали все три стратегии политического дискурса, выделенные О.Л. Михалёвой (все данные, фигурирующие в этой части исследования, представлены в Приложении Б в виде диаграмм). Преобладают две стратегии - стратегия на понижение и стратегия театральности, стратегию на понижение в своем дискурсе коммунисты используют значительно реже. И всё же, если быть точнее, стратегия театральности в процентном

соотношении использовалась в 42,86 % случаев, а стратегия на понижение в 39,29 %. На долю стратегии на повышение пришлось 17,86 %.

Если обращаться непосредственно к тактикам, то можно уверенно констатировать, что тактика безличного обвинения, являющаяся частью стратегии на понижение, использовалась чаще всех остальных. Тем не менее, тактика обещания и тактика побуждения так же нередко использовались в дискурсе членов КПРФ в ходе предвыборной кампании Президента 2018 г. Также стоит отметить, что коммунисты пользовались такими тактиками как тактика презентации, обличения, размежевания, тактиками анализ-плюс и анализ-минус. В процентном соотношении тактика безличного обвинения использовалась в 21,43 % случаев, тактика обещания - в 17,86 %, тактика побуждения - в 14, 29 %. Из наименее используемых отметим тактику презентации, тактику обличения, тактику размежевания и тактики анализ «минус» и анализ «плюс». Они появились в речи политиков коммунистической партии примерно в 10 и менее 10 % случаев.

Самая распространенная тактика среди коммунистов в борьбе за электорат (тактика безличного обвинения) является частью стратегии на понижение. Почему данная стратегия является такой распространенной в речи П.Н. Грудина и части его команды? Дело в том, что стратегия на понижение, в отличие от стратегии на повышение, фокусируется не только на одной стороне, но на обеих. Обвиняя своего оппонента или представляя какую-либо ситуацию в неблагоприятном свете, говорящий автоматически ставит себя в более выгодное положение. Разберем конкретные примеры из анализируемого дискурса.

«... на них потратило государство полтора триллиона рублей в кризис (...) **они не спасали** промышленность, **они не спасали** сельское хозяйство, они **не дают денег** нашим ветеранам, детям, **они спасают** банки, которые разворовывают нашу страну». Данное предложение было высказано в рамках следования тактики безличного обвинения. П.Н. Грудин не называет имен, мы не можем знать, кто точно виноват, однако,

у нас создается общий отрицательный образ нынешней власти, которая неправильно распределяет бюджет. Концептуальная метафора в данном случае помогает формировать отрицательное мнение о власти, в то же время упрощая доносимую мысль и делая ее более эмоциональной. Тактика обличения, не так часто, но используемая членами КПРФ имеет более агрессивный характер, более того, она не безлична, а открыта и прямолинейна. Очень ярким примером применения данной тактики стало высказывание Г.А. Зюганова: «Господин Сурайкин, если бы он был левый, мог бы сюда попасть [коалиция левых сил]. Но он вместо этого выполняет поручение администрации, выполняет роль шестерки». Опять же, метафора становится главным элементом обвинения, именно она концептуализирует представление слушающих о Максиме Сурайкине и делает высказывание особо эмоциональным. Тактика анализ - «минус», являющаяся третьим элементом стратегии на понижение, почти не представлена в изучаемом нами дискурсе. Она схожа с безличным обвинением, однако имеет более широкий характер и не подразумевает выражение автором своего мнения. В целом описывается негативная ситуация, автор воздерживается от субъективных комментариев. Примером использования данной тактики приведем выражение Рохлиной Е.Л.: «...страна парализована, то, что сейчас происходит - это загнивание элит». Е.Л. Рохлина высказывается о плачевной ситуации в стране в целом, не обвиняя конкретных лиц. Зооморфная метафора в данном случае влияет на эмоциональное состояние адресата и на его восприятие сказанного.

Стратегия театральности стала самой излюбленной в дискурсе кандидата в Президенты 2018 и членов Коммунистической Партии. Еще Уильям Шекспир говорил: «Весь мир - театр, в нем женщины, мужчины - все актеры». Особенно это касается политиков. Обещание, побуждение, размежевание - все это тактики, составляющие стратегию театральности. Стоит отметить, что каждая тактика в основе своей театральна, ведь она направлена на зрителя, в нашем случае - на электорат. Однако, именно тактики побуждения и обещания больше всего взаимодействуют с адресатом,

именно для их исполнения требуются навык убеждения, яркая харизма и в целом образ человека, которому хочется верить. Стоит отметить, что эти качества должны быть и у актера в театре. Тактика обещания по частотности в анализируемом нами дискурсе стоит на втором месте после тактики безличного обвинения. Любой человек, даже тот, кто не разбирается в политике, знает, что это излюбленная тактика политиков. Обещания на грамматическом уровне выражаются глаголами совершенного вида в будущем времени. Одним из примеров нам послужило высказывание в предвыборной программе П.Р. Грудина: «Мы ограничим **аппетиты** естественных **монополий**, прекратим спекулятивный рост цен на жизненно необходимые товары и услуги». Антропоморфная метафора здесь концептуализирует представление о естественных монополиях, создавая образ «чужих», «врагов».

Тактика побуждения, так же, как и тактика обещания, вписывается в предвыборную кампанию любого кандидата. Так и в дискурсе П.Н. Грудина тактика побуждения довольно часто используется. В основном, это призывы голосовать за кандидата: «...если мы все придем на выборы и проголосуем, как нам велит сердце, - мы **победим**» ИЛИ «...главная просьба, для того, чтобы у нас была **победа**, чтобы убедить наших **врагов** окончательно в их позоре и трусости, нужно говорить: «Мы голосуем за нашего нового президента». В данных призывах используется милитарная метафора, концептуализирующая выборы как войну. Призыв проголосовать подкрепляется лозунгами «мы победим» или «победа будет за нами».

Тактика размежевания, которая является частью стратегии театральности, похожа на тактику безличного обвинения, однако она не скрывает виноватых. Например, посмотрим предложение Е.Л. Рохлиной «...понимаете, какой огромный контраст мы все представляем по сравнению с Единой Россией, которая поддерживает [олигархов] **паразитов**». Слушатель данного высказывания явно увидит оппозицию «свои» и «чужие, которая подкреплена концептуальной

зооморфной метафорой, отвечающей за представление олигархов в воображении адресата.

Подводя итоги анализа стратегий и тактик политического дискурса КПРФ в президентской кампании 2018 года, еще раз обратим внимание, что ведущей стратегией дискурса стала стратегия театральности, которая едва обогнала в процентном соотношении стратегию на понижение. Тактика безличного обвинения, тактики обещания и побуждения стали наиболее употребительными в речи членов партии. Концептуальные метафоры, используемые в каждом анализируемом высказывании, сделали их более образными и красочными, выполняя инструментальную функцию, то есть формируя мнение субъекта о явлении, и прагматическую функцию, то есть влияя на эмоциональное состояние адресата. Для более наглядной презентации, представим вашему вниманию следующие графики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования мы попытались найти и разобрать концептуальные метафоры в предвыборном дискурсе П.Н. Грудина и других членов КПРФ. Задача оказалась не из легких, так как кандидат в Президенты 2018 года не отличился большой экспрессией речи. Некоторые выражения, особенно с лежащей в основе военной метафорой, стали настолько частотными, что потеряли свою былую экспрессию и начали превращаться в штамп (мы победим, победа будет за нами, за нашу победу и т.д.) Некоторые метафоры стали оригинальными и даже непредсказуемыми, они в основном относятся к нечастотным понятийным сферам, таким как криминальная метафора («Господин Сурайкин, если бы он был левый, мог бы сюда попасть [коалиция левых сил]. Но он вместо этого выполняет поручение администрации, выполняет роль шестерки.») или зооморфная метафора («...есть разные кандидаты. У некоторых, не будем называть фамилии, корень, если разложить по составу слово, от «пут». У нас в степной Калмыкии, да у вас, у казаков, и кубанцев, и у ростовчан, «путы» - это когда спутывают лошадь (...) Вот так и Россию спутали, и нам бы эти путы убрать»). Стоит также отметить, что некоторые метафоры могут вызывать противоречия, так как иногда исследователю сложно объяснить, чем руководствовался автор при выборе той или иной метафоры. Однако, большинство использованных метафор поддается анализу. Огласим выводы, к которым мы пришли в ходе нашего исследования. Самыми частотными в процентном соотношении метафоры в предвыборном дискурсе П.Н. Грудина и членов КПРФ стали антропоморфная, военная и спортивная метафоры. Почему именно эти метафоры? Дело в том, что люди в речи используют те

концептуальные метафоры, которые наиболее близки их национальному сознанию. Что касается антропоморфной метафоры, то она универсально частотна в любом дискурсе любой нации, ведь ее сфера-источник так близка человеку. Эта метафора обладает высоким эмотивным потенциалом, она способна воздействовать на чувства людей и управлять ими. Именно поэтому она используется в агитационной речи кандидатов в Президенты. Милитарная и спортивная метафоры схожи, обе понятийные сферы предполагают борьбу двух или более сторон за победу. Однако концептуальная метафора ВЫБОРЫ - ВОЙНА пользовалась большей популярностью в изучаемом нами дискурсе. Предположим, что это явление объясняется многими историческими и социальными факторами. Участие в различных войнах России на протяжении многих лет не могло пройти бесследно. Военная лексика не просто осталась в узких кругах, она распространилась на другие сферы жизни людей и стала продуктивным источником метафорической экспансии. Особенно это касается предвыборной кампании. Вектор тревожности данной концептуальной метафоры накаляет ситуацию, воздействуя на эмоции избирателей и подталкивая их к нужному выбору. Вопреки вектору тревожности, в основном, милитарная метафора не имеет негативной коннотации.

Несмотря на третье место по частотности употребления, спортивная метафора уступает милитарной в два раза в процентном соотношении. Понятийная сфера спорта не так распространена в дискурсе П.Н. Грудинина и его команды, как предыдущие две. Однако, смеем предположить, что сфера спорта очень близка политической сфере. Мы говорим «предвыборная гонка» неспроста, ведь это и есть соревнование, только участвующие в нем - не спортсмены, а политики. У этой концептуальной метафоры есть свои подводные камни. Если мы обратимся к сфере-источнику СПОРТ, то обязательно отметим, что

в спорте соревнуются лишь сами спортсмены, а болельщики сидят на трибуне и наблюдают. Они никак не влияют на ход и итоги соревнования. Эта прототипическая функция переносится на сферу-цель, на ВЫБОРЫ, что ведет к концептуализации электората как всего лишь болельщика, ни на что не влияющего. Концептуальные метафоры служат выполнению стратегий политического дискурса. Самая излюбленная стратегия коммунистов - театральная. Тактика обещания стоит на втором месте по частотности использования. Антропоморфная метафора играет важную роль в реализации данной тактики. Во-первых, она упрощает формулировку обещания, во-вторых, она делает ее более эмоциональной и экспрессивной.

Вторая по частотности тактика в дискурсе П.Н. Грудина и членов КПРФ - тактика безличного обвинения, также очень распространенная в политическом дискурсе. Спортивная и антропоморфная метафоры способствовали осуществлению данной тактики. Спортивная метафора помогла разделению на «свои» и «чужие», а антропоморфная метафора подчеркнула негативные стороны «чужих». Милитарная метафора наиболее часто встречалась в тактике обещания. Нередко использовался лозунг «победа будет за нами». Предвыборную агитацию можно отнести к кризисному дискурсу, с настоящей борьбой, нарушениями, накалом страстей и высокими ставками. Наше исследование может быть продолжено, так как материал предвыборной агитации кандидата П.Н. Грудина не исчерпан. Его не так много, как, например, у его оппонента В. В. Жириновского, однако, наше исследование охватывает далеко не все, что можно найти. Потенциальным продолжением может быть сравнение предвыборного дискурса П.Н. Грудина с его дискурсом после выборов. Как он изменился, какие метафоры стали частотными,

изменилось ли что-то в стратегиях и тактиках? Эти и другие вопросы могут быть заданы в продолжении нашего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Апресяна Ю.Д. О Регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XXX. Вып. 6. - М.: 1971. - С. 509-523
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
4. Базылев В.Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005.
5. Будаев Э. В. Становление Когнитивной Теории Метафоры - Екатеринбург: 2007.
6. Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов Современная политическая лингвистика . Екатеринбург: 2001.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: Американский, Европейский и Российский варианты исследования // Политическая лингвистика. 2006.
8. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика . Екатеринбург: 2006.
9. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. фил. наук наук: 10.02.01. Екатеринбург: 2002.
10. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб: Филологический факультет // Государственный университет, 2002.
11. Э.Кассирер, Р.Якобсон, А.Ричардс, М.Блэк, Дж.Серль, А.Вежбицка, А.Ортони, Дж.Лакофф, Н.Гудмен и др Теория метафоры Сборник: Пер. с

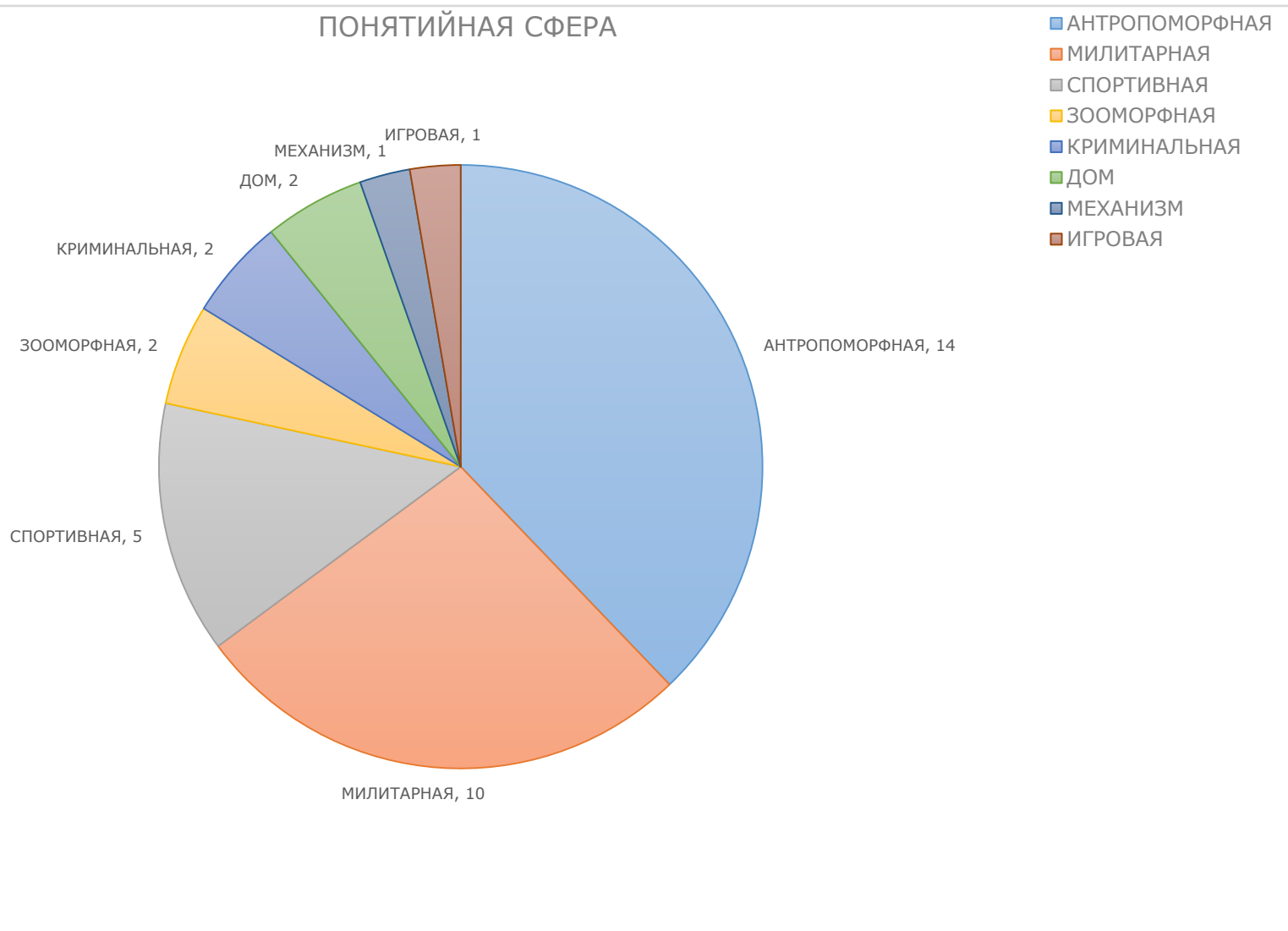
- анг., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
12. Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998
 13. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. Спб.: 1999.
 14. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: 1996.
 15. Лакофф Дж., М. Джонсон Метафоры, которыми мы живем. – М.: Изд-во ЛКИ, 1990.
 16. Митрохина Т.Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016.
 17. Моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов ; А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е.В.Дзюба, Н.Н.Кошкарлова, О. Н. Кондратьева, М.В.Никифорова, И.С.Пирожкова, Н.Б.Руженцева, О. А. Солопова Теория и методика лингвистического анализа политического текста. Екатеринбург : 2016.
 18. Никитин М.В. Концепт и метафора // Проблема теории европейских. – СПб: Изд-во «Тригон», 2001.
 19. Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века // Труды отдела древнерусской литературы. - Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. Л.: 1971.
 20. Рожкова О.Е. Метафоры в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005.
 21. Сёрль Дж. Метафора. Теория метафоры. М.: 1990. С. 307–341.
 22. Складаревская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. 2017.
 23. Соколов А.Г. Кризисный дискурс Либерально-демократической партии России // Вестник Поволжского Института Управления: 2013.
 24. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: 1935.
 25. Фесенко, А. и Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк. 1955.

26. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: 2001.
27. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. №1.
28. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2006.
29. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007.
30. Шеломенцев М.А. Метафора как средство развития языковой личности (на основе предвыборных статей 2012 г. Путина В.В. // Символ науки. 2016.
31. Юнг К.Г. Архетип и символ, М.: 1991.
32. Anderson R. The discursive origins of Russian democratic politics. Princeton: Princeton University, 2001.
33. Culioli A., Fuchs C., Pêcheux M. Considérations théoriques à propos du traitement formel du langage. Paris, 1970.
34. Lacoff. G. Metaphor and War, Again // URL: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 , 2003.
35. Lasswell H.D. Language of politics: Studies in quantitative semantics. Cambridge (Mass): M.I.T. Press, 1949.
36. Leites N. A study in Bolshevism. Glencoe: Free Press, 1953.
37. Katz, Elihu; Lazarsfeld, Paul F. Personal influence. New York: Free Press, 1957
38. Lazarsfeld, Paul F. and Robert K. Merton. Mass Communication, Popular Taste, and Organized Social Action. New York: Harper, 1948.
39. Lippmann Walter Public Opinion. New York: Macmillan, 1922.
40. Orwell George. Politics and the English Language. London: Horizon, 1946.
41. Osborn M.M., Ehninger D. The metaphor in public adress. Speech monographs, volume 29, 1962.

42. Pêcheux M. Analyse automatique du discours. Paris : Dunod, 1969.
43. Reddy, Michael J. The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language. In Andrew Ortony (ed.), Metaphor and Thought. Cambridge, 1979.
44. Встреча Павла Грудинина с избирателями. Ростов-на-Дону. 05.02.2018.
[Электронный ресурс]. URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=LJQWQ88RO2M&t=652s>
45. Программа «Мнение». Россия 24. 25.12.2017. [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=GV30HA98D8o>
46. Павел Грудинин. Время покажет. 25.12.2017. [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=VUZeSJyAYXQ>
47. Пресс-конференция информационного агентства России ТАСС. П.Н. Грудинин. 16.01.2018. [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=Gg3B9Ezhg0U>
48. Интервью Ю. Дудя с П.Н. Грудининым. 6.02.2018

Приложение А

ПОНЯТИЙНАЯ СФЕРА

Приложение Б

